

Кремль 2222

Владислав Выставной
Кремль 2222. Кенигсберг

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Выставной В. В.

Кремль 2222. Кенигсберг / В. В. Выставной — «АСТ»,
2016 — (Кремль 2222)

Приходит час – и самый суровый воин теряет надежду. Книжник и Зигфрид отчаялись отыскать путь домой – в Кремль. Предательство лишает их последнего шанса на возвращение. Впереди – край земли, за которым нет жизни. Лишь страшный Черный снег и Выжженная земля. Здесь, на берегу ледяного моря, застыли мрачные руины древнего города. В развалинах еще теплится жизнь – странная, злая, враждебная. Этот город сожрет и переварит каждого. Но только не наших героев. Им есть за что драться. Все, что попадает в их руки, – становится смертельным оружием. Они будут идти вперед – в поисках того, кто укажет им выход из города, ставшего западней. Надо лишь помнить: когда твой путь похож на лабиринт – жди удара в спину.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Выставной В. В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава первая	14
Глава вторая	26
Глава третья	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владислав Выставной

Кремль 2222. Кенигсберг

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году

© В. В. Выставной, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Ржавые рельсы уходили в туман.

Не туман даже – какой-то адский дым, в глубине которого происходило странное движение в сопровождении неприятных приглушенных звуков. То ли кто-то кого-то жрал в мутной глубине, то ли переваривал, шумно срыгивая.

Туда Книжник и целился из арбалета. Целился – сильно сказано, скорее, нервно водил оружием в готовности спустить с цепи злобный металл. Шедший по правую руку Зигфрид держал в отведенной руке меч – прямой знак того, что угрозу он воспринимает всерьез. Не в его правилах доставать меч без надобности – только для боя с серьезным противником. Всякую мелочь он мог прикончить кинжалом либо просто оторвав голову стальными пальцами.

Книжник вопросительно поглядел на Зигфрида, и тот чуть заметно кивнул: вперед! Они двинулись дальше, в эту сгущающуюся мутную мглу. Воняло вокруг омерзительно, и только рельсы под ногами напоминали о том, что они здесь не просто так – они проверяют путь.

Еще сотня осторожных шагов. Вроде, ничего подозрительного. Странные звуки тоже стихли. Кто его знает, наверное, и туман был обычный – зря они так насторожились.

– У страха глаза велики, – не особо уверенно сказал Книжник. Опустил арбалет и поглядел на Зигфрида. – Чисто, вроде.

– Думаешь? – с сомнением произнес Зигфрид.

Постояли еще, оглядываясь по сторонам и вслушиваясь в полумрак. Странная, наверное, картина со стороны: рослый длинноволосый воин в легком доспехе, состоящем из множества металлических пластин, усеявших кольчужную рубаху, заспинные ножны и пара длинноствольных револьверов на бедрах. А рядом – тщедушный юноша в потрепанном армейском камуфляже, настороженно глядящий из-под ниспадающей рваной шевелюры. Бесформенный холщовый вещмешок за спиной и здоровенный тусклый «маузер» за поясом вносили еще больше диссонанса в общую картину. Не сочетались эти двое, никак не сочетались. Да только жизнь в постъядерном мире давно уже старательно смешивает несмешиваемое и совмещает несовместимое.

– Ладно, – сказал, наконец, Зигфрид.

Загнал меч в заплечные ножны, повернулся и привычно крикнул, сложив рупором руки в перчатках, покрытых металлическими пластинами:

– Тридцать Третий! Давай потихоньку!

Можно было подумать, что он свихнулся, раз кричит в пустую дымную мглу. Но мутная завеса за спиной отозвалась вдруг набором угрожающих звуков – низким гулом, шипением и тяжелым металлическим перестуком. Мутное облако потемнело еще сильнее, сгущаясь во что-то плотное, материальное. Раздвинув туманные клочья, на свет полезло громадное, бесформенное, отсвечивающее клепаным железом. Медленно выползая, это железное нечто обрело форму и смысл, становясь чем-то знакомым – но при том не менее грозным: угловатые металлические детали оформились в приземистую платформу; за ней выполз грозный многогранник с крутыми металлическими скосами, в котором с трудом угадывался вагон. На его крыше, словно нахлобученная с размаху, из тумана выплыла орудийная башня – судя по всему, специально приспособленная танковая. И уж следом, извергая горячую испарину, показалась громада затянутого в броню локомотива.

Бронепоезд крался за ними «на мягких лапах», не в силах, впрочем, полностью спрятать прущую из него мощь.

Наученные горьким опытом, друзья больше не полагались слепо на броню и пушки. Бронепоезд «Дракон» обладал, конечно, избыточной мощностью, но встречались сюрпризы, к

которым невозможно подготовиться, и существовали разные твари, способные расколоть любой металл, как орех. Последним ударом стало нападение неведомой ночной твари, с ходу своротившей кормовую башню. Башню удалось починить, но глубокие, а местами сквозные следы то ли когтей, то ли зубов остались на броне, как напоминание о том, что человек давно уже не хозяин на этой планете.

В другой раз они на полном ходу вылетели в провал, размытый прямо под рельсами, и едва не опрокинулись на бок. Случись такое – дальше пришлось бы идти пешком. Что, считай, равносильно гибели. Потому что пешком домой не вернешься – слишком уж далеко они забрались в своей затянувшейся экспедиции.

Может, когда-то, до ядерного Армагеддона Последней Войны, и можно было пройти пешком тысячу-другую километров. Теперь же простая статистика играла против них: даже если удастся избежать по пути сотню угроз, сто первая наверняка их прикончит. Так что «Дракона» стоило поберечь – особенно во всяких сомнительных и странных местах.

Так что, наткнувшись на эту подозрительную стену тумана, «Дракон» сбавил ход, и на разведку отправились двое самых живучих существ на этой истерзанной планете.

Люди.

На борту «Дракона» оставался единственный, кто мог управляться со всей этой машиной, – кио по прозвищу Тридцать Третий, получеловек-полумашина, если не обманываться его простоватой внешностью. Он вел бронепоезд следом, прикрывая товарищей всей мощностью бортового оружия. Снарядов, правда, оставались считанные единицы, да и от них было мало толку: эта муть мешала даже зоркому взгляду кио и хитроумной оптике орудий.

Но необходимость заставляла двигаться вперед, невзирая на любые угрозы. Сейчас они исследовали восточное ответвление древней железнодорожной сети – шанс свернуть с четко начерченного пути в сторону далекого дома.

Москвы.

Почти потеряв надежду вернуться, они уходили все дальше и дальше на север, убеждаясь, что все восточные ответвления железных дорог разбиты, взорваны, перемолоты в труху. «Дракон» имел возможность преодолеть небольшие расстояния даже через разбитые пути – но не десятки и сотни километров жесткого бездорожья. Воронки взрывов, превратившиеся в ядовитые болота, радиоактивные пятна, бескрайние Поля Смерти – все это расползлось на тысячи километров, эхом Последней Войны звенело в бескрайних пространствах, напоминая о жестоких и грандиозных сражениях минувшего.

Но что может остановить тех, кто давно уже ходит по краю, кто привык смотреть в глаза смерти, для кого главное – не собственная жизнь, а те, кто остался в бескрайней дали, за кремлевскими стенами?

– Смотри! – голос веста заставил Книжника вздрогнуть и вернуться к реальности.

Воин указывал в пространство между рельсами. Что-то блеснуло на гравии между потемневшими бетонными шпалами. Зигфрид осторожно приблизился присел, протянул руку.

– Осторожнее! – предупредил Книжник.

Зигфрид на миг задержал руку. Оно и понятно: незнакомая местность вполне может порождать незнакомые ловушки. Кремлевских с детства учат простым истинам: все вокруг не является тем, чем кажется. Весь мир оскалился на людей за то, что они с ним сделали, и человека на каждом шагу подстерегают «капканы», созданные мутировавшим пространством. Ровный асфальт может обернуться «гейзером», что, вскипая, готов проглотить и растворить в себе человека, дыра в земле может оказаться голодной пастью, а камень за спиной – хищным мутантом, готовым броситься и убить, едва ты потеряешь бдительность. Оттого любой привлекательный предмет, беззаботно валяющийся на земле, с высокой долей веро-

ятности является коварной ловушкой. Потому что в этом голодном, жадном мире ничто не может валиться просто так.

Подумав секунду, Зигфрид быстро схватил предмет – и резко отдернул руку. Перед глазами Книжника мелькнула картинка: омерзительные, истекающие слюной зубы выныривают из-под гравия, клацают – и обрубок руки друга брызжет струями крови...

Ничего не произошло. Потому что никогда не бывает так, как рисует фантазия, – все случается иначе, и зачастую – еще хуже.

Тем не менее, Книжник облегченно выдохнул. Зигфрид подбросил на ладони предмет, повертел в пальцах. Не нужно быть экспертом, чтобы понять: это золото. Точнее – золотая монета, инвестиционный червонец образца 1980 года с изображением сеятеля. С легкой руки маркитантов такие имеют хождение повсеместно. Многие вещи поменяли свою цену – что-то, как бумажные деньги, обесценилось до нуля, что-то, как патроны, взлетело в цене до небес. Неизменной осталась цена лишь одного вещества на планете.

Золота. Наверное оттого, что только оно не поддавалось неумолимому влиянию времени, отторгало окислы, грязь, все наносное, временное. Золото казалось вечным, сверкало, как солнце, и, наверное, дарило надежду. Ведь если есть в этом мире что-то неизменно сверкающее и чистое, то может, и в судьбах человечества наступит когда-то просвет?

Пожалуй, не все бы разделили эти размышления семинариста. Кто-то видел в золоте обыкновенную валюту, которую можно обменять на те же патроны или жратву. И то хлеб, как говорится.

Однако найти золотую монету – большая удача. Правда, это означало и кое-что другое: кто-то должен был эту штуку потерять. И возможно, этот некто сейчас находился поблизости – что уже заставляет невольно тянуться к оружию.

– Смотри-ка – еще! – Книжник указал на такой же золотой кружок – тоже между рельсов, правда, чуть дальше. И, вроде, за ним сверкал еще один...

Книжник дернулся было за второй монетой – но на этот раз Зигфрид ухватил его за руку.

– Не нравится мне это, – сказал воин. – Будто кто-то заманивает нас...

– Кто? – Книжник сглотнул.

– Ты правда хочешь узнать?

– Да как-то не очень.

– Вот и я – не особо.

Тем не менее, они прошли вперед еще с десяток шагов. Что-то хрустнуло под ногой семинариста. Он остановился, убрал ногу.

Кость. Возможно, крупного животного. А может, и человека. Взгляд быстро выхватил целые развалы костей, скрытые туманом по сторонам от рельсов.

– Так... – проговорил Зигфрид. – Давай-ка лучше назад отойдем, пока не поздно. Тридцать Третий! – Зигфрид вскинул руки, помахал над головой. – Три-Три! А ну тормози! Малый назад!

Бронепоезд среагировал мгновенно – заскрежетал заклинившими колесами и резко, с проворотами огромных ведущих колес, дал задний ход. Друзья неторопливо побежали в обратную сторону вслед за тяжело набиравшим ход поездом.

– Сейчас откатим немного – и положим вперед пару снарядов, – на бегу сообщил Зигфрид. – А там уже решим, что делать...

Договорить он не успел. Истошный, переходящий в ультразвук, визг ударил по ушам, и со всех к ним устремились страшные, изломанные тени. Боковым зрением семинарист заметил что-то стремительно возникшее совсем рядом, за плечом. И был сбит с ног мощным ударом.

Рывком перевернулся на спину, пытаясь нашарить отлетевший в сторону арбалет. И с ужасом увидел над собой искаженное злобой лицо. Нет, это была даже не злоба – просто лицо само по себе было воплощением какого-то кошмара. Это было настоящее кровавое месиво, сочащееся густыми багровыми каплями, брызгающими прямо в глаза оцепеневшему Книжнику. Это существо было начисто лишено кожи – и тянуло скрученные когтистые пальцы к его горлу. Кривые желтые зубы вразнобой торчали в лишенной щек пасти, и казалось, что монстр улыбается какой-то безумной улыбкой. Еще должны были быть огромные, усеянные сетью сосудов глаза – навывкате, так как лицо было лишено век. Но глаз не было – вместо них зияли черные, гноящиеся провалы.

Мокрые от крови пальцы сомкнулись на его шее – и парень заорал от ужаса и омерзения. И тут же в лицо хлынули потоки густой горячей жидкости – тварь развалилась на куски под ударами Зигфридова меча, рухнув прямо на несостоявшуюся жертву. Захлебываясь кровью монстра, Книжник попытался сбросить с себя пульсирующие в агонии части тела, но его скрутило, вырвало на рельсы чужой кровью вперемешку с давешним содержимым желудка. Происходящее было настолько омерзительно, что хотелось тошнить все больше и больше – организм словно желал избавиться от самой картины увиденного.

Но Зигфрид уже силой подымал друга на ноги, и с его клинка сползали ошметки убитой твари.

– Вставай! – прорычал он прямо в ухо товарища. – Арбалет в руки! Вперед!

Все было как в бреду. Только что сонное туманное пространство наполнилось хаотичным движением, и перед глазами возникли совершенно дикие картины.

Незнакомые безкогие и безглазые твари сыпались буквально на голову с невидимого отсюда свода. Они не падали, нет – спускались на каких-то тонких, кроваво-красных нитях, чем-то напоминавших то ли паутину, то ли пуповину. Наверное, тем, что эти пульсирующие нити выходили непосредственно из тел человекоподобных чудовищ, срастаясь с ними где-то в районе позвоночника. В другое время было бы любопытно узнать, куда ведут эти нити, устремляясь вверх, в гущу тумана.

Сейчас же хотелось только одного – бежать без оглядки, крича от ужаса, зажмурившись, чтобы навсегда вычеркнуть из памяти этот кошмар.

Но у незнакомых мутантов были на людей совсем другие планы. Десятками спускаясь на своих пульсирующих «жилах», монстры с ходу бросались в атаку на людей, стремившихся добраться до уползающей в туман платформы бронепоезда. Книжник с Зигфридом заметно отстали от него, и положение становилось критическим. Спасали опыт и реакция воина, успевавшего пока укладывать одного за другим этих тварей. Те продолжали наседать, и им совсем не требовалось зрение, чтобы распознать добычу. Пара монстров рухнула буквально им на голову – и Книжника снова окатило потоками крови твари, срубленной Зигфридом прямо над его головой.

– Да я же так никогда не отмоюсь! – смахивая кровь с глаз, ощутив неожиданный приступ ярости, заорал Книжник.

Злость придала сил – он схватил-таки арбалет и с ходу всадил короткий оперенный болт прямо между мертвых глазниц ближайшего монстра. Несмотря на кошмарный вид, тот оказался не бессмертным – и семинарист открыл счет вражеским трупам. Механизм автовзвода с воем натягивал тетиву, болт за болтом с упругими щелчками сменяли друг друга под прицельной планкой – и уходили прямиком во вражескую плоть.

Через несколько секунд кровавой мясорубки в плотном кольце тварей образовалась брешь – спасибо упругим «пуповинам», что несколько ограничивали перемещения тварей. В эту брешь, прямо по дергающемуся мясу, и устремились друзья. Задыхаясь от бега, они неслись в туман – туда, куда успел скрыться отползавший «Дракон». Могло показаться, что они бегут в никуда, – только рельсы под ногами указывали на то, что они не сбились с пути.

Прямо перед ними огромными кровавыми каплями «стекли» сверху еще трое монстров. Книжник успел увернуться, Зигфрид же получил мощный удар когтями, вспоровшими кольчугу и повредившими плечо. Тварь вцепилась в воина и едва не оторвала ему голову – острый железный штырь, сплюнутый арбалетом, оказался быстрее. Еще не успев бросить с себя обмякшее мясо, Зигфрид одним ударом перерубил двух оставшихся монстров. Закаленная в Поле Смерти сталь шипела, насыщаясь вражеской смертью, а спутники уже настигали проявившийся в тумане силуэт бронепоезда. Когда казалось, что сил уже не осталось, Зигфрид рывком перекинул себя через приземистый борт носовой платформы и, резко развернувшись, протянул руку Книжнику:

– Хватайся! Быстро! Ну!

Парень тянулся, чувствуя, что начинает безнадежно отставать от набирающей ход машины. Ноги заплетались от усталости и страха, а вокруг, как в бреду, огромными маятниками раскачивались на жилах-лианах кровавые монстры. Пытаясь увернуться от проносившихся со всех сторон тел, Книжник безнадежно терял темп. Тридцать Третьему почему-то не приходило в голову сбавить скорость – то ли он не видел, что происходит, то ли на него самого наседали враги, – «Дракон» продолжал пятиться. Когда Книжнику казалось уже, что все, финиш, паровоз ему не догнать, Зигфрид рыкнул с платформы:

– Держись! Только крепко!

И перекинул через борт что-то тяжелое. Привыкший доверять другу, Книжник рванул вперед из последних сил – и споткнулся обо что-то податливое, склизкое. Упал – уткнулся лицом в искаженное яростью и болью бескожее лицо мертвого монстра.

– О, нет... – успел только выдохнуть Книжник, осознавший, что задумал приятель.

В следующую секунду труп буквально выдернуло из-под него, и парень едва успел ухватиться за единственную ногу – вторая была снесена мечом вместе с половиной туловища. Парня с силой поволокло, заколотило по шпалам, грозя растряссти к чертовой матери прежде, чем он окажется в безопасности.

– Зиг, да ты просто псих! – орал Книжник прямо в разлетающиеся перед ним потроха. Он пытался подтянуться повыше, чтобы не соскользнуть со своего безумного «прицепа». – Ты сумасшедший маньяк просто!

На это Зигфрид лишь скалился да сильными рывками подтягивал, наматывая на руку, жилу, тянувшуюся к подпрыгивающему на шпалах трупу монстра, что оседлал смертельно бледный Книжник. Наверное, со стороны это безумное зрелище выглядело довольно лихо и впоследствии стоило упомянуть его в мемуарах – если участникам событий удастся дотянуть до старости. Вероятность же этого стремительно таяла.

Подтянув приятеля до самой платформы, Зигфрид ухватил его за шиворот и рывком затащил на борт. Прокричал:

– Жив?!

Семинарист не ответил. Размазывая по лицу кровавую жижу, он смотрел на скачущий по шпалам труп, что все еще оставался привязанным к борту платформы. Выдернув из-за голенища нож с зазубренным лезвием, Книжник с силой перерезал проклятую «пуповину». Кувыркаясь меж рельсов, изуродованное тело скрылось в тумане.

– Кажется, оторвались... – проговорил парень. Голос предательски дребезжал.

– Хотелось бы верить, – сухо сказал Зигфрид. – Говорил я: плохой это туман, не стоит в него соваться.

– Но ведь другого пути на восток не было.

– Он и не понадобится, если нас здесь прикончат.

– С тобой не поспоришь.

– А не надо со мной спорить, лучше держи арбалет наготове.

Зигфрид поднял с пыльной ребристой поверхности платформы переговорное устройство с отходящим от него толстым, задубевшим кабелем, сказал негромко:

– Три-Три, не зевай там. Дай-ка света, а то темнеет что-то!

И точно – туман словно бы начал густеть, наливаясь тьмой. Это было странно – ведь день был вроде как в полном разгаре.

Глухо щелкнуло – и мощные прожектора прорезали туманную мглу, широкие лучи заметались, пытались нащупать что-то, за что можно было бы зацепиться взглядом.

И, надо сказать, получилось. Чувствуя, как сами собой расширяются от изумления глаза, Книжник увидел, как прямо в направлении движения бронепоезда медленно опускаются с небес ряды огромных острых конусов. Он не сразу понял, что это такое, – мириады непонятных штуквин походили на огромные белые сталактиты. И только несколькими секундами позже пришло понимание того, что это, ни много ни мало, – огромные зубы, усеявшие пасть колоссального чудовища.

Весь этот туман, эти рельсы с ползущим по ним бронепоездом, десятки кровавых монстров и замершие на платформе – все это непостижимым образом оказалось внутри какой-то гигантской твари. Это просто не укладывалось в голове, да и не должно было отвлекать внимание от главного – попытки прорваться и выжить.

– О боги... – глухо произнес Зигфрид. – Я даже представить себе не мог... Мы въехали прямо ему в брюхо...

– Кому – ему? – хрипло отозвался Книжник.

Перехватил потными руками арбалет, водя вокруг растерянным взглядом. Ему казалось, что он спит наяву. Что толку от его арбалета да и от меча Зигфрида перед тем, что невозможно охватить взглядом?

– Этому... С зубами... – не находя слов, произнес Зигфрид.

Да и не было придумано никаких слов для создания, способного проглотить бронепоезд вместе с изрядным участком железнодорожного полотна. Худшими монстрами были только те твари, что устроили засаду прямо в желудке своего «симбионта». Это действительно походило на симбиоз. А может, и того хуже – эти злобные уродцы на кровавых «нитках» попросту были частью одного кошмарного организма, способного переварить гору.

Впрочем, изумление быстро прошло – слишком уж много самых немыслимых мутантов породила Последняя Война. Иногда казалось, что не только живые существа подверглись мутагенному воздействию радиации и всевозможной убийственной химии, но и само пространство. Иначе как объяснить появление Полей Смерти и других ловушек, грязными пятнами разбросанных по многострадальной планете? Сама природа мстила людям, насылая на них чудовищ.

– Три-Три, ходу! Ходу! – кричал Зигфрид в переговорное устройство. – Быстрее, ну!

Но уже и сам машинист, видимо, понял, что все они оказались в огромной мышеловке, готовой захлопнуться и оставить своих жертв наедине с монстрами поменьше, но куда более многочисленными. Как будто почуяв, что ловушка вскоре захлопнется, со всех сторон снова стали подбираться «кровавые твари». Теперь они двигались быстрее, принаоровившись к скорости стремившегося улизнуть бронепоезда. Визжа и дергаясь на своих пульсирующих нитях, они напомнили теперь Книжнику паразитов, копошащихся в нутре более крупного чудища.

Не выдержав, он принялся стрелять в туман, на это мутное движение, – просто боясь снова увидеть вблизи эти бескожие и безглазые лица.

– Ты что творишь?! – гаркнул на него Зигфрид. – Стрелы береги – сейчас они ползут!

Усилием воли семинарист заставил себя прекратить бездумную стрельбу. Болтов во встроеном магазине оставалось не так много, и бить следовало наверняка. Да и Зигфрид

был прав: со всех сторон, словно по команде, на платформу полезли изломанные в злобном порыве фигуры.

Первую волну Зигфрид принял на себя. Книжник едва успел рухнуть на ребристую поверхность платформы, как над головой со свистом пронеслась раскаленная кромка меча: вест работал оружием с молниеносной скоростью, приняв круговую оборону и защищая вместе с собой друга. Бешено вращаясь вокруг собственной оси, рисуя замысловатые узоры, он перемалывал напирających мутот и прикрывал друга, на несколько секунд впавшего в оцепенение. Какое-то время Книжник наблюдал за боем, отмечая, что новая волна мутантов не похожа на тех, первых. Эти не были багровыми, сочащимися кровавыми подтеками. Они были темнее, словно плоть на них обветренная и подгнившая, всюду проступали пятна тления, а оборванные нити-сосуды тянулись за ними полуистлевшими лоскутами. Наверное, эти успели оторваться от некоей питательной среды, с которой когда-то их соединяла пульсирующая пуповина. Возможно, и жизненный их цикл заканчивался, но от этого муты не становились менее агрессивными. Чем-то они напоминали дампов, пораженных неизвестной болезнью людей, чья разлагающаяся плоть оставляла за собой лишь одно яростное желание – убивать.

Раскатистый рев вывел парня из оцепенения. Звук извергал из зловонной пасти мут, пытавшийся дотянуться до него своими гнилыми когтями, – мешал лишь Зигфрид, отчаянно отпихивавший его ударами ноги.

Книжник выстрелил, не целясь, – прямо в эту брызжущую слюной и мутной кровью пасть. Одного болта оказалось мало – второй пришлось всадить муту в лоб.

– Прикрой! – голос Зигфрида потонул в визге целой своры мутот, бросившихся на платформу с крыши броневагона.

«Обложили!» – мелькнуло в голове Книжника, когда последний оставшийся арбалетный болт ушел прямиком в дергающийся кадык под трясущейся безглазой мордой. Арбалет перестал быть стрелковым оружием и превратился в обыкновенную дубину, которой парень отчаянно отбивался от наседавших тварей. Длилось это не долго: арбалет силой вырвали у него из рук, и только после этого семинарист вспомнил о своем последнем аргументе.

Упав на спину и торопливо отползая по скользкому от крови металлу, он потянул из-за пояса «маузер» модели К-96. Архаичное и громоздкое, легендарное и дикое на вид оружие как ни одно другое соответствовало окружающей обстановке. Мощь девятимиллиметрового патрона при изрядной длине ствола была более чем достаточна в любой схватке. Одна проблема – острый дефицит подходящих патронов, которые не просто достать даже у маркитантов. Небольшой запас, имевшийся в кабинете бывшего командора «Дракона», – все, на что мог рассчитывать новый владелец оружия, а потому преимущество было отдано надежному, как дубина, автоматическому арбалету.

В момент, когда жизнь висит на волоске, меньше всего думаешь об экономии патронов, и даже о том, что древний пистолет может просто разорвать на куски во время первого же выстрела. Издав истошный вопль, Книжник открыл огонь.

Двух тварей, пытавшихся до него добраться, он уложил с ходу – и тут же пистолет заклинило. Пока он возился с затвором, Зигфрид уложил муту, подбиравшегося к парню сбоку. Передернув, наконец, затвор, Книжник вскочил на ноги и огляделся.

В пылу скоротечной схватки он потерял из виду то, что происходило вокруг бешено набравшего ход поезда. Гигантские челюсти готовы были вонзиться в поверхность, как опускающиеся ворота какого-то замка тьмы. Казалось, еще немного – и поезд на полном ходу врежется в эту массу то ли камня, то ли невиданной живой ткани.

Грохот орудий и привел друзей в чувство. Прямо по курсу сверкнуло, туман смешался с пороховой гарью. Кормовая башня, ставшая теперь носовой, лязгнула снова, пробивая брешь в стремящейся замкнуться ловушке. Новый взрыв – а следом удар, стряхнувший

карабкавшихся на платформу мутнов и заставивший друзей потерять равновесие. Вибрация и скрежет подтвердили: бронепоезд продирается сквозь пробитую снарядами брешь, попутно стряхивая с себя вцепившихся кровожадных «паразитов». Зигфриду пришлось еще поработать мечом, добывая так и не угомонившихся мутнов, еще несколько выстрелов сделал Книжник – но «Дракон» уже снова вырвался на свет, а еще через сотню метров прорвал туманную завесу, оказавшись под сумрачным, но чистым северным небом.

Бронепоезд сбавил ход и со скрежетом остановился. Какое-то время друзья просто молчали, переводя дух и глядя в клубящуюся туманную стену, оставшуюся в отдалении. Казалось бы, самое время радоваться – они отбились от врагов и избежали гибели. Но никто из них не видел повода для оптимизма.

Ведь рельсы перед ними по-прежнему уходили в этот омерзительный, коварный туман.

– И здесь тупик, – сказал, наконец, Книжник.

Зигфрид поглядел на него, кивнул:

– Значит, дальше, на север?

– Значит, дальше, – сказал Книжник, и голос его стал тверже. – Где-то же есть путь на восток, его просто не может не быть.

– А если его нет? Что, если все пути на восток уничтожены?

Книжник поглядел на друга исподлобья. Зигфрид просто озвучил его собственные мысли, страхи, в которых он боялся себе признаться.

– Тогда пойдем пешком, – тихо сказал Книжник. – Мы должны вернуться в Кремль и рассказать обо всем, что видели. И я сделаю это.

Рука друга легла ему на плечо. Это был всего лишь тупик – один из многих в бескрайнем лабиринте древних дорог. Но Книжник верил: из любого лабиринта есть выход. А любая дорога имеет смысл, когда в итоге приводит домой.

Поднявшись на ноги, забыв о переговорном устройстве, Книжник закричал, сложив руки рупором:

– Три-Три, давай назад к развилке! Идем на север!

Глава первая

Чужие берега

«Дракон» шел на северо-запад. Не шел даже – продирался через бескрайние пространства, словно нарочно превращенные в сплошную полосу препятствий.

Вагоны трясло нещадно, скрежетала потрепанная броня, и казалось, бронепоезд сейчас развалится на составные части. Последняя сотня километров далась «Дракону» непросто – пути были искорежены давними боями, словно в этих местах велась самая настоящая «рельсовая война». Возможно, так оно и было: по обе стороны от рельсов то и дело встречались ржавые останки боевых машин. Сейчас уже трудно было разобрать, где здесь «свои», где «чужие», – все это были лишь призраки, забытое наследие Последней Войны. Время примирило давно сгинувших противников, уступив место новым угрозам. Но железная дорога не стала от этого лучше. Спасала лишь особенность ходовой части поезда, способного преодолевать небольшие участки бездорожья, даже начисто лишенные рельсового пути. Впрочем, внедорожные качества «Дракона» имели свои пределы, и в один прекрасный момент сложная машина могла просто не выдержать. Оттого Тридцать Третий, бессменный машинист ядерного паровоза, снизил его скорость практически до скорости пешего шага. Такими темпами ехать можно было бесконечно долго, и дорога начинала изрядно выматывать. Кроме того, главное достоинство бронированной машины – безопасность – с утратой мобильности стремилось к нулю. Уже не раз они замечали целые стаи неизвестных тварей, крадущихся по следам бронепоезда, особенно по ночам. В небе, не прекращая, кружили стервятники.

Туда, в небо, и глядел Книжник, пытаясь справиться с тошнотой. Он и не думал, что доведется на суше подхватить самую настоящую «морскую болезнь». От бесконечной тряски его не на шутку укачало. Проще было бы просто идти пешком рядом с медленно ползущим бронепоездом. Останавливала лишь постоянная угроза нападения мутов, которые даже сейчас копошились вокруг поезда, время от времени устраивая шумные «разборки» друг с другом.

– А, черт! – выдохнул Книжник, едва не слетев с крыши вагона. На этот раз тряхнуло основательно – хорошо, успел ухватиться за качающийся из стороны в сторону орудийный ствол. – Когда же это все кончится?!

Он перевел дух, втянул в легкие непривычно чистого воздуха и чуть не поперхнулся, услышав:

– А скоро, милок, скоро!

Прямо перед ним в вальяжной позе, облокотившись с одной стороны на пузатый холщовый мешок с лямками, а с другой – на тусклый железный ящик с ручкой, сидел на броне какой-то мужичонка. Был он в прожженном в нескольких местах бесформенном ватнике, драных штанах и уродливых самодельных ботинках с металлическими набойками. На голове его имелся нелепый гибрид «ушанки» и кепки, будто шапка мутировала вместе с окружающей живностью. Сам мужичок был плохо выбрит, грязноват, морщинист, но вместе с тем скалился во всю ширину, демонстрируя редкие желтые зубы.

– Ты кто? – изумленно спросил Книжник, разглядывая мужичка.

– Хомо сапиенс, – мгновенно отозвался мужичонка, – что в переводе с древнего означает «человек разумный». Ты, я вижу, – тоже, а двое разумных всегда могут договориться. Верно я кумекаю?

– Откуда ты здесь взялся? – Книжник настороженно разглядывал незнакомца, понимая, что забыл взять оружие. Это было опрометчиво – но голова от бесконечной тряски соображала туго.

У незнакомца, впрочем, оружия тоже не было. Хотя это ничего не значило: выставленное напоказ оружие свидетельствовало хотя бы об открытости намерений. Скрытое же намекало на коварство и темноту замыслов. То, что по этим местам можно бродить безоружным, даже не приходило в голову.

– Вот уж, бином Ньютона! – хмыкнул мужичонка, чиркая кресалом и активно раскуривая огромную кривую самокрутку. – Пряма проблема – залезть на колымагу, которая ползет со скоростью подышающей крысособаки! Будешь?

Он протянул дымящую самокрутку застывшему в недоумении парню. Книжник помотал головой.

– Как хочешь, – затягиваясь, сказал мужичонка. – Табачок неплохой, почти настоящий, такого нигде больше нет.

Тряхнув головой, Книжник прогнал оцепенение. Даже тошнить перестало. В конце концов, подумаешь – какой-то бродяга! Ну залез, ну едет без спросу. В конце концов, как залез, так и слезет – стоит только Зигфриду свистнуть, чтобы подстраховал на случай, если у этого типа под ватником припрятано что-нибудь посерьезнее кресала.

С другой стороны, это был первый человек, встреченный в этой местности, и было бы глупо не расспросить его о том, что здесь и как. Если это, конечно, человек, а не какой-нибудь хитрый мутант, ловко манипулирующий сознанием жертвы. Такое тоже случалось, так что расслабляться не стоило.

– Ты что, местный, что ли? – спросил семинарист, на всякий случай пододвинувшись к люку с откинутой крышкой, – чтобы нырнуть туда, если что пойдет не так.

– Да ну, какой же я местный? – окутываясь клубами вонючего дыма, отозвался мужичок. – Местные тут – одни кошакалы.

– Кто?

– Кошакалы, говорю. Ну, вроде котов, только лают, стаями держатся да жрут любую органику. А зазеваешься – так и тебя самого на кусочки порвут.

– Так что же ты тут делал?

– Да по грибы ходил, – мужичонка похлопал по пузатому боку мешка. – Вон, набрал, недели две кормиться можно.

– А чего без оружия?

– А тут с оружием никак нельзя, они этого не любят.

– Кто, кошакалы?

– Грибы.

Книжник выпучился на незнакомца: уж не псих ли? Или грибочки у него «с сюрпризом»? Вон и улыбка подозрительная, и разговоры странные. Грибы, говорят, и такие встречаются: их едят, а они глядят. Взгляд упал на мешок. Матерчатый бок заметно шевелился. Из-под клапана вдруг полезло что-то бесформенное, с длинными черными корешками, рассыпающими землю. И точно – гриб! Только странный, пульсирующий, как будто его распирало изнутри бугристыми мышцами.

– Куда собрался? – мужичонка ловко подхватил беглеца и сунул обратно, в мешок. – А ну, полезай на место! Больно шустрые в этом году уродились – это из-за кислотных дождей, видать...

Семинарист нервно кашлянул в кулак. На подземных плантациях Кремля выращивали тонны грибов, которые и помогли людям выжить в долгую ядерную зиму. Но что-то никто не рассказывал, о том, чтобы продукция пыталась самостоятельно сбежать с грядок. Так или

иначе, мужичок, похоже, не врал, и первые сомнения ушли. Может, стоит прислушаться к незнакомцу?

– А что ты там сказал вначале? – спросил парень. – Скоро нормальная дорога начнется?

– Не, – затягивая мешок потуже, отозвался незнакомец. – Скоро она совсем кончится.

– Как это? – упасшим голосом спросил Книжник. – Тупик, что ли?

– А сейчас увидишь, – пообещал мужичок, указав вперед кривым грязным пальцем. –

Во-он за теми развалинами...

«Дракон» медленно огибал огромную кучу щебня, ржавой арматуры и прочего строительного мусора, в котором с трудом угадывались руины древнего здания. Но не развалины приковывали к себе взгляд, а то, что медленно выползло из-за бесформенного бугра.

Огромное, придавленное туманом пространство, в котором угадывалось что-то волнующе знакомое.

– Море... – прошептал Книжник.

– Море? Ну, вроде того. Залив, – отозвался мужичонка.

Это было поразительно – семинарист совсем потерял ощущение времени и пространства и не очень представлял себе, где они сейчас находятся. Пытаясь отыскать восточное ответвление железной дороги, они все дальше забирались на север и, похоже, уперлись в какую-то водную преграду. Но что это могло быть за море? Его познания в географии, изучаемой в кремлевской Семинарии, были довольно обширны, но с трудом применялись на практике. Может, из-за оторванности этих знаний от реальности, а может, оттого, что изменилась сама география. Наставники считали, что страшные ядерные удары Последней Войны изменили не только окружающую среду, растительный и животный мир. Исказились даже очертания материков. Поговаривали даже, что сместилась земная ось и магнитные полюса поменялись местами. Но с утраченными научными знаниями проверить это невозможно.

– Что это? – проговорил Книжник. – Балтика? Финский залив?

– А? – мужичок помотал головой. – Финский? Врать не буду, про такой не слышал. А то, что залив, – так то верно. Но для нас он просто – Залив.

Книжник не слушал – он заворуженно разглядывал странный пейзаж. Было здесь невообразимо тоскливо – беспорядочное нагромождение камней, уходившее в черную воду, низкое свинцовое небо, ползущая над неподвижной водой дымка и теряющийся в ней горизонт. А еще – зависшая в воздухе холодная туманная взвесь.

И, словно уловив это настроение, пошел дождь. Создавалось ощущение, что даже не пошел – это бронепоезд въехал в какое-то пространство, заполненное капающей с неба водой. По лицу поползли неприятные разводы, парень нервно смахнул их ладонью, поглядел в мутное небо, невольно втянул голову в плечи.

Дождь – это всегда беда. Потому что теперь дожди или радиоактивные, или кислотные – небогатый выбор. Хотя бывает, что с неба льется и вовсе адская смесь. Помнится, как-то шамы нагнали на Кремль странные синие тучи – и на голову полилась омерзительная зловонная слизь, оказавшаяся, к тому же, странным, квазиживым организмом. Что-то вроде гигантской амебы, стремившейся переварить в себе защитников древней крепости. Спасибо запасам активного хлора, которым удалось тогда прикончить чудовищное одноклеточное. Правда, при этом много людей отравилось ядовитыми парами хлора – но Кремлю удалось выжить.

Мужичонка хрипловато захихикал, разглядывая парня:

– Чего напрягся? Водички испугался? Так ты не бойся – здесь всегда дождь.

– Всегда? – переспросил Книжник.

– Ага. Днем дождь, ночью дождь. Весной, летом осенью – дождь. Правда вот зимой – снег, – он сипло хихикнул. – Или град – самое время помечтать об обычном дожде. Сколько я себя помню – над Заливом всегда с неба каплет. Да и над городом тоже.

– Где этот город?

Мужичок рассмеялся:

– Ну ты даешь! Мы уже полчаса по нему едем!

Книжник огляделся. Ничего не изменилось – насколько хватало взгляда – одни лишь груды камней вокруг, теряющиеся за пеленой дождя. Он вопросительно поглядел на незнакомца. Тот развел руками:

– Ну, уж какой уж есть! Последняя Война и все такое...

Какое-то время поезд все еще катился вперед, и замороженный видом Книжник не заметил, как ушла раздражающая тряска, как и без того еле ползший «Дракон» стал снижать скорость, пока не содрогнулся, как показалось, с отвращением, и не остановился окончательно.

– Ну, что я говорил? – довольно выкрикнул мужичок. – Приехали!

Он с кряхтением подтянул к краю крыши свой увесистый железный сундук и принялся спускаться на грубой веревке. После чего лихо соскочил с крыши вагона, прихватив с собой мешок. Книжник медленно поднялся, вытирая рукавом лицо, по которому бежали холодные дождевые капли. Прошел вперед по мокрой и скользкой крыше. Дождь хлестанул в лицо злобными струями – можно было подумать, что семинарист все дальше и дальше углубляется в некую странную «зону дождя». Обогнув носовую орудийную башню, парень остановился на краю вагона, у крутого скоса брони, убрал с глаз потяжелевшие мокрые волосы.

– Ну, чего здесь? – за спиной появился Зигфрид, до этого сладко дремавший за броней под бешеную кучку. – Что встали?

– Да вот, – мрачно сообщил Книжник. – Приехали.

Рельсы перед головной платформой уходили в песок, поверх которого тихо плескалась черная вода. За спиной оставались все те же мелко подробленные руины, здесь же была подозрительная гладь на берегу маленькой полукруглой бухточки.

– Что-то я не пойму, – присаживаясь на край вагона, произнес Зигфрид. – Куда здесь вели рельсы? Не под воду же?

– Не знаю, – отозвался семинарист. – Одно мне ясно точно: это еще один тупик.

Водная гладь вдруг всколыхнулась, поверхность прорезал острый плавник – и исчез в пучине. Друзья молча переглянулись. Жутких морских тварей им уже доводилось видеть в древней Севастопольской бухте, и казалось, что больше уже не доведется столкнуться с ними. А вот, поди ж ты...

– Любопытно, – произнес новый голос. – Такого я еще не видел!

Это подошел Тридцать Третий, в обманчивом облике одутловатого простака, совсем не походивший на сложный кибернетический организм. Только металлические прожилки в серовой коже лица намекали на то, что человек он лишь внешне. Потому как манеры и речь у него мало отличались от людских. Вот и сейчас он вытирал руки промасленной тряпкой, совсем как какой-нибудь кремлевский кузнец. С той разницей, что только что возился не с горном, молотом и наковальней, а с хитроумными механизмами ядерного паровоза.

– Это ты про рыбку? – спросил Зигфрид, кивнув в сторону воды, по которой расходились круги от скрывшегося в глубине монстра.

– Это я про воронку.

– Где ты увидел воронку? – не понял Книжник.

– А вот же, – Три-Три указал на воду.

Присмотревшись, Книжник понял, что имеет в виду кио: слишком уж правильная она, эта бухточка, словно вычерчена циркулем. И эта мертвая проплешина у берега, а дальше – каменное крошево...

– Ядерный взрыв? – предположил Книжник.

Кио кивнул:

– И похоже, недавний. Лет пятьдесят, не больше.

– Ого, – без особого удивления произнес Зигфрид. – Живенько тут у них.

– Эт точно, у нас не соскучишься! – крикнули снизу.

Книжник сразу узнал голос наглого мужичка. Глянул вниз по правому борту. Тот сидел на своем железном ящике и обсасывал новую самокрутку. На Книжника же глядел с насмешливым прищуром. Эдакий простоватый и в то же время хитрый взгляд – будто этот тип знает нечто, недоступное чужакам.

– Э, ты чего там уселся? – крикнул сверху Книжник. – Подслушиваешь, что ли?

– А чего подслушивать, когда вы на всю округу орете? – отозвался мужичок, окутываясь дымом.

– А я ему уши-то сейчас укорочу! – лениво подымаясь на ноги, сказал Зигфрид. Приблизился к правому борту, сел на корточки, разглядывая незнакомца. – Ты кто такой? Откуда взялся?

Мужичок мгновенно сообразил, что ладный воин с мечом в заплочных ножнах – не легкомысленный семинарист, с которым он самодовольно болтал до этого, а потому сразу подскочил, попятился, уволасывая за собой мешок и ящик. Удостоверившись, что Зигфрид гнаться за ним не собирается, остановился, выкрикнул:

– Да я вообще-то тутешний! А вот откуда здесь вы взялись на своей колымаге – это еще большой вопрос! Может, вы из зараженной местности прикатили, эпидемию учинить намерены! А может, каннибалы, на людей охотитесь – кто вас знает?

– Уж не хочешь ли ты нам допрос учинить? – поинтересовался Зигфрид.

– Да мне-то, в общем, до этого дела нету, – примирительно сказал мужичок. Как-то бочком вернулся, снова уселся на железку и принялся чиркать кресалом, пытаясь запалить размокшую самокрутку. – Раз приехали – значит надо. И меня подвезли – за это вам моя отдельная благодарность!

– Так что не идешь своей дорогой?

– А куда ж мне идти, коли я пришел?

– Вот как? И что ты тут делать станешь? Вокруг же нет ни черта!

– Как это нет? А берег?

– А зачем тебе этот берег? Рыбки поудить решил, что ли?

– Да тут такая рыбка, что сама кого хочешь выудит.

– Так чего сидишь здесь под дождем, мокнешь?

– Ничего, мокрый, да живой. Муты с округи к берегу подходить не любят. Так что, буду сидеть, лодку ждать.

– Лодку? Куда плыть-то собрался?

– А ты что, так и будешь орать со своей колымаги? Это, мил человек, конечно, дело твое, но у меня глотка, чай, не луженая.

Зигфрид рассмеялся и легко соскочил с крыши вагона на песок. Следом сполз и Книжник. Песок, к его удивлению, оказался сухим и плотным, будто дождевая вода впитывалась в него, как в губку. Мужичок чуть попятился, но Зигфрид примирительно продемонстрировал открытые ладони:

– А звать-то тебя как? Чем промышляешь?

– О, так бы сразу и спросили! – вовсе оскалился мужичок. – Здесь меня все знают! А кличут Балаболом – может, слышали?

– Это отчего же так кличут? – поинтересовался Книжник. – Языком чесать любишь?

– Да, есть такой грех, чего скрывать, – Балабол расплылся в кривозубой улыбке. – Да только кто ж виноват, что я таким общительным уродился? Иной может все молчать, да хмуриться – но это не по мне, у меня душу распирает, так мне и поплохеть может. Тут такое дело: я столько всего знаю, что одному не унести – со всеми хочется поделиться!

– Слушай, а может, ты мутант какой? – поинтересовался Зигфрид.

– Чего?! – лицо мужичка вытянулось.

– Ну, знаешь, у мутов отклонения разные бывают – одних на смертоубийство тянет, других на людоедство, а тебя вот – потрепаться без всякого смысла.

Балабол не сразу понял, что вест просто шутит, – слишком уж невозмутим и серьезен был вид воина. А когда дошло – шумно расхохотался:

– Ничего себе ты выдал! Мутом меня еще никто не величал. Вот тебе и тема для очередной истории! – отхохотавшись, он вытер нос грязным рукавом куртки. – Да только вряд ли – будь я мутом, не дожил бы до этого дня, придушили бы в колыбели. У нас с этим строго.

– У нас тоже, – сообщил Книжник. – Ну раз ты все здесь знаешь, может, и дорогу нам подскажешь?

– Отчего ж не подсказать? Подскажу. Особенно если договоримся взаимовыгодно. Вы, как я погляжу, ребята не бедные. В этих железных ящиках, небось, немало добра можно перевезти, а?

Книжник не сразу понял, что речь идет о вагонах. Чуть улыбнулся, сказал:

– Да перевезти-то можно, да только где ж его взять, это добро? Броня у нас крепка, да что толку от скорлупы, если орех пустой? Давненько мы в пути, поиздержались, сам понимаешь.

– Ну, хоть что-то, – не унимался мужичок. – Золотишко, там, жратва, патроны – я не привередливый!

– Не бойся, отблагодарим, – заверил Книжник.

– По крайней мере, голову отрывать не станем, – со свойственной ему прямолинейностью добавил Зигфрид.

– Ну и ладно, – легко согласился Балабол. – Может, хотя бы костер для странника запалите?

Уже тогда эта легкость показалась Книжнику подозрительной. Но тепло огня сближает путников, собирая вокруг костра самых разных людей, зачастую тех, что никогда не сели бы рядом в обычной жизни. Казалось бы, чего общего между воином народа вестов, кремлевским семинаристом, грязным бродягой с дальних берегов и кибернетическим организмом? Лишь языки огня, да жар, разгоняющий сырость. Даже вечный дождь немного приутих, чтобы не мешать сидевшим вокруг костра на железных ящиках.

Темнело. Тридцать Третий подбрасывал в огонь горючие брикеты из запасов «Дракона», и огонь весело трещал, разгоняя сырость. Чтобы разговорить нового знакомого, из закромов «Дракона» был извлечен небольшой запас горячительного – некой настойки, личной, Тридцать Третьего, перегонки. Запас знаний у кио казался безмерным – вот и алкоголь он научился делать, причем, чуть ли не в самом нутре ядерной паровозной топки. Учитывая это обстоятельство, получившееся высокооктановое пойло небезосновательно было прозвано коктейлем «Ядерным». До сих пор никто его пить не решался, несмотря на уверения кио в том, что «коктейль» неплох на вкус и совершенно безопасен для здоровья. Утверждения по поводу вкусовых и медицинских качеств продукта со стороны существа с танталовым скелетом и встроенными электронными блоками казались не очень убедительными.

Вот и теперь, расплескав понемногу пахучей синеватой жидкости из большой плоской фляги по жестяным кружкам, сидевшие у костра несколько призадумались. Книжник осторожно понюхал и зажмурился от накативших слез – показалось, что один только запах разъедает ноздри и разжигает мозг.

– Три-Три, а не хочешь отведать первым? – скептически гоня напиток по стенкам кружки, предложил Зигфрид. – Как-никак, твое варево!

– Я-то попробую, – Тридцать Третий пожал плечами. – Да только вам чего с этого? Ты же знаешь: я могу есть и пить все, что угодно, только я все же не человек, на меня алкоголь не действует.

– Вот и правильно – чего добро переводить? – вмешался Балабол, заглядывая в кружку одним глазом и прикрыв другой – как будто прицеливался. – А жизнью рисковать – нам не привыкать!

Сказал – и опрокинул в глотку все содержимое кружки разом. Опустил кружку – и замер на несколько секунд с выпученными глазами. Книжнику показалось даже, что сейчас он повалится замертво. Вместо этого мужичок издал протяжный хрип, после чего шумно выдохнул:

– Хороша, кровь змеиная! – он поморгал, потряс в воздухе пальцем. – Вот ее-то... Вот такую-то полную фляжечку я готов взять в оплату за свои услуги!

– Только сначала сами услуги-то не забудь оказать, – сказал Книжник. – Про эти места расскажи, да путь укажи. А то, чего доброго, окочуришься – и чего нам с тебядохлого проку?

– Авось не помру! – бодро отозвался мужичок, полезая рукой в мешок и вытаскивая оттуда что-то дергающееся и отчаянно пищущее. – Кстати, вот, лучшая закуска под это дело!

– Дикие вы тут совсем, – Зигфрид чуть приподнял бровь. – Оно же прямо у тебя изо рта сбежит!

– Авось не сбежит!

Балабол извлек откуда-то длинный металлический прут и ловко насадил на него странное существо. Сунул прут в огонь, поближе к раскалившимся углям. Гриб взвизгнул напоследок – и затих.

– Хороши грибочки в этом году уродились, – умело орудуя «вертелом», приговаривал мужичок. – Знать, холода будут ранние, примета такая... А вот коли черный снег пойдет – тогда жди беды...

– Что за черный снег? – поинтересовался Тридцать Третий. – От пепла, что ли?

– А кто его знает? – Балабол пожал плечами. – Да только случается, что с запада его ветер приносит. Так-то у нас снег нормальный, желтый...

– Чего? – выпучился Книжник.

– Шучу. Знаешь, отчего желтый снег бывает?

– Кто ж не знает! Тоже мне, шутник...

– Вот, и мы знаем. А отчего черный бывает – не знаем. Да только попадешь под него – жди беды.

– Болезни от него, что ли?

– Говорят, не только. Говорят, коснутся тебя черные снежинки – и словно проклятье на человека находит...

– Сам-то, небось, под этот черный снег не попадал?

– Не попадал, иначе бы с вами тут не болтал. Да и вам не советую, – Балабол, прищурившись, повертел головой, будто мог разглядеть что-то в ночи. – Дело-то к холодам идет. Не хотите под черный снег попасть – уходите, да поскорее.

– Да мы и сами бы рады, – буркнул Книжник. – Да только дороги не знаем. Видишь, рельсы в воду уткнулись!

– Да то не беда, покажу я вам дорогу! – беззаботно отозвался Балабол. Похоже было, что он уже слегка навеселе, и теперь сказанное им стоило, пожалуй, делить натрое. – Я тут все знаю... Или я уже говорил об этом? Так вот, там... – он ткнул пальцем во мрак, – там Старый Город, а за ним узловая станция. Оттуда рельсы прямехонько на восток ведут...

– А откуда ты знаешь, что нам на восток надо? – быстро спросил Зигфрид. Взгляд его стал подозрительным, колким.

– А куда ж еще? – лицо Балабола вытянулось. Он моргнул и тут же оскалился в улыбке, погрозил воину пальцем. – Э, нет, меня не обманешь! Вы или с востока, или с юга пришли, стало быть, туда и обратный путь держите.

– С чего ты взял? – не унимался Зигфрид. Ясно было, что Балаболу он ни на йоту не верит.

– А с того, что на западе жизни нет! – отрезал мужичок. Хмыкнул. – Чего тарашитесь?

– Что значит – нет жизни? – проворчал Книжник. – Муты же там какие-то точно живут...

– Говорю, нет жизни – значит, ее нет совсем! – отрезал Балабол, и в этот момент из его обычного тона пропало непрекращающееся ерничество. – Выжженная земля. Пустыня – вот что там. Даже микробы не живут, если Алхимик не врет...

– Алхимик? – встрепенулся Книжник. – Это кто такой?

– Да так, есть тут один... – неохотно отозвался Балабол. Было заметно, что он явно сболтнул лишнее. Но быстро принял свой прежний беззаботно-насмешливый образ и небрежно отмахнулся. – Да и вообще полно всяких бродяг, что про них языком чесать?

– И все же, что за народ здесь живет? – протягивая руки к огню, поинтересовался Книжник. – Вроде как город, хоть и развалины...

– Город, город – одно название, – хмыкнул Балабол. – И народец гнилой. Это вам повезло, что на меня наткнулись, иной бы устроил вам какую-нибудь подлянку – тут это в порядке вещей. Давеча, вот, забрела сюда какая-то орда, не меньше сотни головорезов, – явно степняки какие-то. Шут их знает, может, грабить нас хотели, может так, заблудились просто – этого мы уже никогда не узнаем. Потому как им в проводники вызвался один мерзавчик, повел за собой, да завел на Выжженную землю, что на западе, – помните, я говорил? Нет, ну чужаки с оружием здесь, конечно, никому и даром не нужны. Да только с той поры эту орду никто не видел.

– А с проводником что стало? – поинтересовался Зигфрид.

– Да тоже сгинул, небось. Говорю же – на западе жизни нет...

– А историю эту кто тебе рассказал? Мертвый проводник с Выжженной земли?

Балабол застыл с открытым ртом. Повертел в костре прутиком с насаженным на него грибом, хмыкнул:

– Ну ладно, вояка, поймал ты меня. Я был тем проводником, оттого и знаю, что говорю!

Книжник с удивлением поглядел на Балабола. Тридцать Третий тихонько рассмеялся, покачал головой – в разговор людей он не вмешивался, предпочитая сидеть неподвижно да наблюдать.

– То-то я смотрю, приврать ты горазд, – заметил Зигфрид. – Может, и орды никакой не было?

– Да была орда, была, – проворчал Балабол. – Но надо же было своих от бандитов спасать! Когда сотня головорезов на твою землю приходит – что еще делать остается? Что я мог – мешком своим их разогнать?

– Прямо-таки сто человек? – прищурился Зигфрид. – И ты их всех убедил за тобой отправиться? Да ты прям полководец, как я посмотрю.

– Ну, может, не сто, может, полсотни их было...

– И ты их за собой, как Сусанин, на смерть повел? – насмешливо спросил Книжник. Подмигнул Тридцать Третьему, разливавшему по кружкам «Ядерный коктейль».

– Не знаю я, кто этот Сусанин, но да – повел! – с вызовом бросил Балабол. – А что было делать?

– И погиб, небось, как герой? – задумчиво предположил Зигфрид.

Мужичок поглядел на него с изумлением – и расхохотался:

– Да ты, я вижу, не веришь!

– Да что-то не особо. Чего ж ты нас туда, на смертушку лютую, не повел?

– Да к вам-то у меня претензий нет! – зевнув, заявил Балабол. – Вы, гляжу, ребята нормальные, с вами и так договориться можно. А что до того, как мне удалось выжить, – то чистая удача, плюс ловкость да быстрые ноги. Да и вообще, все в городе знают: я фартовый!

– А мы ж так и не узнали: что это за город вообще? Есть у него название или он, как ваш залив, – просто город?

– Ну, нет, город у нас солидный, хоть и руины одни. А называется известно как – Кенигсберг.

Зигфрид поглядел на друга. Наверное, семинарист выглядел несколько обескураженным.

– Кенигсберг? – переспросил парень. – Что-то знакомое... Это же Калининград, верно?

– Калинин... – как? – Балабол поднял к небу глаза, пожал плечами. – Не, не слышал. Говорю же – Кенигсберг. Старый город, очень старый. Еще до Последней Войны от него стариной веяло, а теперь и подавно.

– Да вроде ж Калининград – это последнее название Кенигсберга! – не унимался Книжник. Даже глаза прикрыл, вызывая в памяти древнюю карту, которую еще в детстве вызубрил практически полностью.

– Отстань от человека, – сказал Зигфрид. – Это все равно, что он бы тебе доказывал, что Кремль – это не Кремль, как какое-нибудь Осло.

– Почему именно Осло? – Книжник недоуменно поглядел на друга.

– Да так, первое, что в голову пришло, – отозвался Зигфрид. – Ну, пусть Стокгольм, если Осло не нравится.

– Вы, наверное, и впрямь издалека, – сказал Балабол. – Я и про города-то такие не слыхал. Бес его знает, может, кто-нибудь и звал этот город иначе, да только никого из тех уже не осталось. В Последнюю Войну здесь жестокий замес был – никто не выжил. Это уж потом сюда разный люд потянулся – в ядерную зиму как-то выживать надо было, а здесь кругом подземные коммуникации, бомбоубежища и все такое...

– А сам ты не отсюда, что ли, раз лодку ждешь? – оборвал его Зигфрид.

– Не, я с той стороны, – мужичок кивнул в сторону воды, которой уже было не видать во мраке. – Пиллау – слышали?

– Нет, не слыхал, – Книжник пожал плечами. – Похоже, не так уж много я знаю, а то, что знал, устарело давно.

– Это хорошо, что не слыхали, – странным голосом произнес Балабол и потянул из огня прутки с дымящимся куском жареной плоти на конце. – А вот и грибок поспел. Кто желает отведать?

– Отведай первым! – потребовал Зигфрид.

Балабол рассмеялся:

– Не доверяете? Да, пожалуйста, – только плесни-ка еще своего бальзама. Ей-богу, гениальный напиток!

Балабол с удовольствием опрокинул в себя еще немного «коктейля», после чего щелкнул каким-то небольшим устройством. Книжник не сразу понял, что это нож – с выкидным лезвием на пружине. Такой довелось видеть раз или два в жизни – у кремлевских ратников подобные были не в ходу: что толку от такого небольшого клинка? Такой хорош для скрытого ношения и подлого удара в спину. Ну, может, еще для какого-нибудь «грибника», вроде этого Балабола, – вон как ловко он режет на равные кусочки жареный гриб.

Первый кусок мужичок сразу же отправил себе в рот, принялся жевать, причмокивая с удовольствием.

– М-м-м, знатный подбетонник! – чавкая, приговаривал он. – Надо будет еще пару вылазок на пустыри сделать – пока холода не ударили. Подбетонники, они ж как? Пока тепло, выбирают из-под щебня, шляпки солнышку подставляют – тут их и бери тепленькими. А

как приморозит – так в щели забиваются. С голодухи, конечно, можно и руку туда сунуть. Но тут уж как повезет: можешь ты гриба схватить, а могут и они тебя – если скопом.

– Грибы, что же, на людей тут нападают? – Книжник содрогнулся, разглядывая дымящийся кусок в руках Балабола.

– Так, жрать захочешь – на кого угодно кинешься! – со знанием дела заявил тот. – Бывало, грибы на грибника нападали, а в детстве, помню, мальчонку одного в подzemелье, под камни, так утянули – только сандалики в воздухе мелькнули... Ну, кто желает?

Мужичок протянул нарезанный гриб на конце прутика. Первым незнакомого яства отведал Тридцать Третий.

– Съедобно! – заключил он.

– Все знают, что кио ничем не свалишь, – проворчал Книжник. – А каково человеку с нормальным желудком?

Балабол сипло рассмеялся и отрезал себе еще кусок, бросил в рот, принялся с аппетитом чавкать. Зигфрид подумал – и снял с прута прожаренный кусочек. Так же поступил и Книжник. Вопреки опасениям гриб оказался на удивление сочным и вкусным – особенно в сочетании с адским «ядерным коктейлем». По телу уже разливалось приятное тепло, и могло показаться, что они находятся на отдыхе в каком-то приятном, надежно защищенном уголке.

И только мрачная громада бронепоезда отблескивала в свете костра, напоминая о том, из какой дали они прибыли в эти места. Да еще дождь, что продолжал слабо накрапывать и к которому они уже почти привыкли.

– А что, гляжу, спокойные у вас тут места? – спросил Зигфрид, устало привалившись к куску бетона, заменившего ему подушку. – И муты стороной обходят, и злых людей не видать...

– Ну, это как посмотреть, – с усмешкой ответил Балабол. – Мне, скажем, бояться нечего, а кто и шагу не пройдет, как от него даже косточек не останется.

– Это с чего ты такой особенный?

– Да сам не пойму. Может, способность у меня такая, а может, везение. А может, просто нечего с меня взять. Ну, кому я такой нужен?

– А мешок отобрать? – вмешался Книжник, бросая в рот еще один кусочек гриба. – Какая-никакая, а добыча. Мутам же вообще все равно, чье мясо жрать.

– Есть у меня на этот счет одно предположение, – сказал Балабол. – В детстве-то я слабый совсем был, как выжил – ума не приложу. Тем более, что родителей я своих не видел, а воспитали меня всякие бродяги. Никого из них, кстати, давно в живых нет...

Задумавшись, Балабол достал из-за пазухи ветхий обрывок бумаги. Сложил, провел желтым ногтем по складке, сыпанул на бумажку щепотку табака...

Книжник впился в эту бумажку взглядом.

Текст. Там был какой-то текст! Иначе и быть не могло – бумагу не производят уже сотни лет, вся что есть – это остатки древних газет, тетрадей, библиотек – все, что не успели спалить в печах в лютую ядерную зиму. И если есть у Балабола эта бумажка – значит, было ее откуда вырвать! Значит, есть здесь источник текстов – забытых знаний, погребенных под пеплом Последней Войны!

Надо было остановить его, не дать спалить в ядовитой самокрутке этот крохотный кусочек прошлого... Но состояние ватной расслабленности мешало предупреждающе вскинуть руку, крикнуть: «Стой!»

И мужичок, проведя языком по бумажке, завершил конструкцию, принялся куском проволоки выкатывать из костра уголек. Прикурив от него и продолжил рассказ. Его слова звучали в ушах семинариста с каким-то странным, дребезжащим эхом:

– В общем, был я мальчонкой и, как все погодки, лазил где ни попадя, несмотря на запреты. И вот как-то раз залез я по ошибке в нору носогрыза...

– Это еще что за тварь? – вяло спросил Зигфрид. Выглядел он таким же расслабленным и уставшим. А может, алкоголь действовал...

– Водятся в руинах такие муты – добычу за голову хватают, и пасть у них длинная, тонкая, вроде клюва с зубами, отсюда и название. В общем, играли мы с мячиком из черепа крысособаки, а мячик возьми, да и закатись в какую-то дыру. Я нырнул за мячиком – а это нора! Мячик-то меня и спас – носогрыз его за мою голову принял. Схватил, хрусть – в труху. Сообразил, что обманулся, – и за мной следом. Я, понятное дело, деру. Носогрыз за мной. И такой ужас меня посетил, что даже сейчас вспоминать жутко. Бежал я неведомо куда, потеряв голову. Уже дыхание сорвал, ноги сбил – а я все бегу, и носогрыз следом... – Балабол затянулся своим ядовитым зельем, окутался дымом, отчего его образ обрел какую-то мрачную загадочность. – В общем, уже не бегу я, а, считай, ползу, и носогрыз подбирается все ближе. Это ж такая тварь, терпеливая, не любит зря напрягаться, ждет, пока жертва совсем ослабнет, – тогда и добывает ее. И вот, чувствую, что как раз этот момент наступил: ноги ослабли, я на землю осел и жду конца. Даже бояться перестал. Только наблюдаю, как эта тварь подползает все ближе и ближе. И движется эдак прерывисто, короткими перебежками – экономит силы, потому как знает, что мне уже никуда от нее не деться...

Он снова затянулся и выдохнул густого пахучего дыма. Голос его становился все гуще, и Книжник чувствовал, как мутнеет в глазах, как тяжелеет голова. Неужто напился?

– А я смотрю – и понимаю, что все, конец, – словно издали доносился до него голос нового знакомого. – Да только сил уже нет даже бояться. И вот подползает ко мне этот носогрыз – а он такой длинный, извивающийся, как змея на лапах. Подползает и смотрит на меня левым глазом – они только одной стороной смотреть могут – зенки у них в разные стороны глядят. Смотрит – и пасть начинает раззявливать. Еще секунда – он просто повернет башку, шею вытянет, и все, капец мальчонке. Тут-то у меня что-то внутри словно включилось – как заору! Чуть у самого кровь из ушей не брызнула, так заголосил. И знаете, странное дело – нечеловеческий какой-то звук из глотки вырвался.

– Нечеловеческий? – повторил Книжник.

– Именно! Но это я уже после понял, когда вспоминать начал. А тут ору и вдруг вижу, как носогрыз проклятый на землю падает – и корчиться начинает! И чем больше я ору – тем больше его корчит! В общем, трясло его и корежило, пока он не издох в страшных муках.

– Так что же, он от твоего голоса сдох? – недоверчиво спросил Тридцать Третий.

Балабол покачал головой:

– Я тоже так сначала подумал. Но когда немного пришел в себя и огляделся как следует, понял: вокруг-то сплошь выжженная земля!

Он замолчал, оглядывая собеседников, желая убедиться, поняли ли они, что он имеет в виду.

– Это ты про мертвые земли, что ли? – предположил Зигфрид. – Про ваш безжизненный запад?

– Именно! – довольно оскалился Балабол. – Оказывается, удирая от носогрыза, сам того не подозревая, завел я его на смертельные земли...

– погоди, – оборвал его Зигфрид. – Ты что же, снова выжил, когда вокруг все передохло? Уж не заливаешь ли ты нам по полной программе?

– Тогда это было в первый раз, – медленно сказал Балабол. – Я вернулся домой живым, но пережитое никак не отпускало. И я подумал: а может, я не такой, как все? И решил проверить. Поймал щенка крысособаки – у нас они вокруг поселения по помойкам обретались. Взял его – и понес туда, на выжженную землю... Даже сейчас удивляюсь, как я на то решился, – наверное, любопытство было сильнее страха. Забрался я, в общем, на выжженные земли и выпустил щенка. А он такой смешной, доверчивый – прыгает, на руки про-

сится! – Балабол расплылся в улыбке. – Они, пока маленькие, совсем не страшные, у нас все дети с ними играют.

– Не жалко было щенка-то? – странным голосом спросил Тридцать Третий. Он внимательно разглядывал мужичка, и с его искусственного лица исчезло обычное благодушие.

– Жалко? Щенка? – Балабол удивленно пожал плечами. – Я даже не думал об этом. Мне же было интересно узнать – что с ним там станет? Получится ли повторить тот фокус с носогрызом. В общем выпустил я его – и как крикну!

Балабол тихо рассмеялся, словно не удержавшись от приятных воспоминаний:

– Как его перекорежило – я даже не ожидал! И визгу, визгу! Крутится на месте, сам себя за хвост цапнуть хочет, как будто не понимает, откуда боль пришла...

– Только не говори, что ты продолжил его мучить... – тихо сказал Тридцать Третий.

– Еще как продолжил! – тщательно выговаривая каждое слово, ответил Балабол. – В тот момент я и понял, какой это кайф – мучить такое маленькое, ничтожное существо! Когда одним голосом можно заставляешь его визжать и валяться от боли!

Книжник с ужасом видел, как сжимаются кулаки этого жалкого мужичонки, который предстал вдруг в роли мучителя и садиста. Хотелось крикнуть: «Прекрати! Заткнись!» Но слова застыли в глотке, губы отказывались шевелиться – и оставалось лишь слушать...

И Балабол продолжал:

– Я многих туда потом водил – полюбоваться на все эти корчи и судороги. Ей-богу, ничего интереснее в жизни так и не довелось видеть. И главное – что-то внутри от этого теплеет и как-то приятно сжимается...

– Да ты просто псих... – проговорил Тридцать Третий. – Ты сумасшедший!

– А кто из нас нормальный? – легко отозвался Балабол. – Все порядочные граждане сгинули вместе с прежним миром, остались те, что могут выживать. А выживание – это всегда подлость. Но тут дело не в выживании даже, а в ощущении. Понимаете? Все гибнут в выжженных землях – а я хожу и возвращаюсь. Я понял, что я особенный, – и это ой как помогает в жизни! Бодрит, тонизирует, так сказать! Я и Орду туда повел не потому, что своих спасти хотел, нет. Да плевать мне на них всех! Кто мне чего в жизни хорошего сделал? Я посмотреть хотел – как они помирать станут.

– Зачем тебе это? – тихо спросил кио. Как будто сам не знал ответа.

– А просто так! – с вызовом ответил Балабол. – Любопытно, знаешь ли. Все ведь умирают по-разному. Если бы я алхимиком каким был – обязательно на эту тему трактат написал бы. Только я не алхимик – я живые истории предпочитаю. Оттого и кличут меня Балаболом. Слушают мои истории и от страха трясутся.

– Чего трясутся-то? – тихо проговорил Зигфрид. Глаза его помутнели, он сам не себя не был похож.

– Да потому что моя история может быть про каждого из вас, – отозвался Балабол, и теперь его голос прозвучал зловеще. – Вот про тебя, к примеру, будет у меня отдельная история.

– Ты так не шути, братец! – пригрозил Зигфрид.

Да только угроза получилась вялая. Воин попытался подняться – и бессильно опустился на локоть. Балабол засмеялся снова, Книжник с ужасом ощутил, что не может произнести ни слова. Даже пошевелиться не может! Взгляд застилал туман, а в голове мелькнула запоздалая мысль: «Это все гриб... Проклятый гриб...»

Балабол еще говорил что-то, но голос его звучал все тише, и уже невозможно было уловить смысл сказанного. Перед глазами вдруг потемнело, и сознание растворилось во тьме.

Глава вторая

Черная вода

Он очнулся от холода. Ледяная плоскость, к которой припала щека, вытягивала из тела тепло и, казалось, саму жизнь. В голове гудело, и не сразу удалось поднять опухшие веки.

Перед глазами была неровная металлическая поверхность, сплошь в заклепках, плохо оттертой ржавчине и лужах воды. На губах был солоноватый привкус – похоже, вода морская. Слегка подташнивало, и не сразу пришло понимание, от чего именно. Порыв ветра швырнул в лицо жменью ледяных брызг, и в голове немного прояснилось.

Качка – вот что это было! Ощущение, знакомое еще по Севастополю и означавшее только одно: он в море. Надо было подняться и оглядеться – но в ватных конечностях не было сил.

Перед глазами, тяжело ступая, прошли чьи-то бесформенные башмаки. В обратную сторону с диким скрежетом проволокли на железном тросе какой-то металлический агрегат. И вслед за этим зубодробильным скрежетом пришли новые звуки: шум волн и скрип такелажа – так, кажется, называются все эти штуки на кораблях, удерживаемые канатами и тросами и скрипящие под наклонами судна. Высоко в небе пронзительно кричали какие-то летучие твари. Книжник не сразу вспомнил, как они называются.

Чайки. Точно – чайки. Птицы! Полностью вымершие в других местах твари – вроде рукокрылов, только покрытые перьями летучие прибрежные крысы. Так что же, выходит, он на каком-то судне? Но как он, черт побери, здесь оказался?

Память скупно выдавала последние запечатленные ею картинки. Была ночь, был костер, был какой-то незнакомец... Дальше – мутная пустота.

– Где я? Почему?..

Он не узнал собственный голос, перешедший в сиплый кашель.

– Зигфрид... – слабо позвал он. – Три-Три! Кто-нибудь... Зиг...

Ответа не было. Зато слух различил незнакомые голоса в отдалении, грубый смех.

– Ну, я за него! – слышалось прямо над ухом, и свет заслонила фигура, усевшаяся перед ним на корточки. – Чего надо-то?

– Ты не Зигфрид, – тупо произнес семинарист. Он вдруг вспомнил, как зовут этого небритого мужичка. – Как там тебя... Балабол?

– В точку! – добродушно отозвался тот. – Узнаешь – значит, мозги на месте. Это хорошо. А то не все после моих грибочков в здравом уме остаются. Это уж как повезет, видишь ли. Один, помнится, откушал, посидел-посидел, посмеялся, и вдруг раз, ствол в рот – и мозги по стенке. Никто даже ойкнуть не успел. Другой сидел себе тихонько, а потом вдруг как вскочит, как рванет куда-то – больше его и не видели. Но чаще просто мрут, как мухи. На то они и грибы.

– Так ты отравить нас задумал...

– Ну почему сразу – отравить? – Балабол, вроде, даже обиделся. – Расслабить немного, отключить, так сказать. Мы же не кровопийцы какие, мы деловые люди!

– Но ты же сам их ел... – пытаюсь подняться, пробормотал Книжник. Получалось не очень. – Почему же тогда на тебя не подействовало?

– Почему не подействовало? – самодовольно усмехнулся Балабол. – Ощущения приятные, эдакий легкий расслабон – даже полезно, говорят. Просто знать надо, что в грибочке кушать можно, а чего стоит поостеречься. Не знал бы – давно уже б копыта откинул. Так-то!

– Рыба фугу... – пробормотал Книжник.

– Чего? – не понял Балабол.

– Рыба такая, на Востоке водилась. В Японии, вроде. Коли ее неправильно приготи-
вишь – сразу на тот свет отправишься...

– Вот-вот! Про рыбину такую не слышал, сказать нечего, а гриб – он такой. В нем все
в дело идет: часть в пищу, часть – чтобы кайф поймать, часть – как снотворное, кое-что на
целебное зелье. Ну и остатки – чистая отравка, что тоже завсегда пригодиться может в нашем
беспокойном мире. А все потому, что грибочки здешние не простые – это самые что ни на
есть живучие твари. Говорят, в ядерную зиму они чуть всю прочую живность не уничтожили
– потому они, как хищники и падальщики, мимикрируют под что угодно, в спячку впадают
хоть на год. А когда голодный год наступает – грибочки эти и человека в нору утащить могут.
Хочешь в этом мире выжить, бери с них пример – не ошибешься!

Книжнику, наконец, удалось приподняться на локте, сесть. В глазах разом потемнело,
в голове помутилось, в ушах гулко забили барабаны. Он облизал соленые губы, прохрипел:

– Зачем ты с нами так подло?.. Мы же тебя как своего приняли, к костру пустили, чарку
налили – а ты...

– Да жизнь так устроена, братец. Да и какие ж вы мне свои? Я знать вас не знал, да не
очень-то хотелось. Много вас таких бродит, и никакого от вас толку – одни голодные рты.
А едоков лишних здесь и без вас хватает.

– Но есть же обычай – у костра все равны! Грех так с людьми поступать...

– Да что ты заладил – «обычай, грех»... – Балабол поднялся, сделал странный финт
ногами, словно пританцовывая на месте. – Это у слабаков такой обычай, а мы и грешить не
боимся! – он рассмеялся. – У нас в ватаге Вольных все просто: есть свойские, а есть чужаки.
Вы – чужаки, и с вами поступать следует, как с чужаками, – пока вы так же не поступили
с нами. Закон джунглей, слышал?

– Да что ты знаешь про джунгли? Ты же небось и книг-то не читал...

– Книжек не читал, верно. Да много слышал да подмечал. А рассказать еще больше
могу – не зря ведь меня Балаболом кличут!

– Это я уже понял... – проворчал Книжник, потирая виски и мельком осматриваясь. –
Вот, значит, какую «лодку» ты ждал на берегу... Ничего себе лодочка, самое то, чтобы на
рыбалку ходить.

– Да тут такое дело, – прищурился Балабол. – Какая рыбалка – такая и лодка. Рыбка
здесь, видишь ли, сама с зубами!

– А это, значит, твоя банда?

– Это у вас банда, – Балабол вроде даже немного обиделся. – А у нас, говорю же, –
ватага Вольных!

Какое-то время Книжник продолжал пялиться по сторонам, не в силах сконцентриро-
ваться, – давали о себе знать ядовитые грибочки, скормленные ему проклятым мужичонкой.
Что он понял точно, так то, что сидит на палубе какого-то огромного несуразного судна,
болтающегося посреди беспокойного темного моря. Борта у этого «плавсредства» были низ-
кими, их то и дело захлестывало небольшими пенными волнами. Несмотря на это, посудина
производила впечатление. Громадная, бесформенная, словно склепанная из частей самых
разных кораблей, контейнеров, листов железа и даже уцелевших автомобилей, при каждом
очередном крене грозила перевернуться или развалиться на части – во всяком случае, так
казалось. По центру возвышалась решетчатая конструкция, явно имевшая в своей основе
высоковольтную вышку. Теперь это была своеобразная мачта, на которой трепетали соткан-
ные из разномастных лоскутов паруса. На реях из металлических рельсов гроздьями висели
какие-то парни, перебиравшиеся по верхотуре с ловкостью приматов... Черт возьми – это
и были какие-то муты, отдаленно напоминавшие обезьян! Похожи на нео, только помельче
да пошустрее.

Чуть позади мачты в небо торчала здоровенная закопченная труба. Похоже, что корабль – если его можно было назвать кораблем – был способен двигаться и на альтернативной, скорее всего, паровой тяге. Но, видимо, сейчас в этом не было особой нужды – вся эта груда плавающего железа ползла по водной поверхности, движимая попутным ветром.

Присмотревшись, Книжник разглядел торчавший из надстройки ствол автоматической пушки. Похоже, и в бортах имелись орудийные порты, над баком же возвышалось подобие орудийной башни, больше напоминавшее неряшливо железное гнездо, набитое какими-то хохочущими оборванцами и прикрытое по бокам броневыми листами. Из груды железного хлама, глядя в небо, торчала минометная труба приличного калибра. Пара пулеметных гнезд по бокам от башни дополняли картину.

Но взгляд приковало другое – вывернутая с корнем, как гнилой зуб, и как-то оказавшаяся здесь артиллерийская башня с «Дракона». Сомнения быть не могло: небрежно прихваченная тросами, будто лишенный сил и скрученный пленник, она замерла, уткнувшись в палубу стволом гладкоствольной пушки, словно признавая свое поражение под оружием корабля-победителя. Некогда грозная, теперь она больше походила на дряхлый гриб.

– Это как же так? – севшим голосом проговорил Книжник. – Что вы сделали с «Драконом», мерзавцы?

Попытался встать – но перед глазами поплыла серая муть, палуба ушла из-под ног – и он повалился в соленую лужу в сопровождении хриплого хохота каких-то мерзавцев, свесившихся через ограждение у раструба вентиляционной трубы. Балабол поддержал их сиплым смешком:

– С каким еще «Драконом»? Это с вашей колымагой, что ли? Так она все равно вам больше не понадобится. Ты же сам видел: тупик здесь. Нету вам дальше никакого пути.

– Ты же говорил, что дорогу покажешь... Выходит, врал?

– Почему, сразу «врал»? Ну, присочинил немного! Я же Балабол, я когда увлекаюсь, сам забываю, где правда, а где на ходу придумал, – мужичок хохотнул. – А чего вы хотели? Сами виноваты – поверили первому встречному!

Тут до семинариста дошло, что он до сих пор так и не задал самого главного вопроса:

– Что с моими друзьями? Они живы?

– Да живы, живы, – поморщившись, отмахнулся Балабол. – Что с ними делается? Только зря головой вертишь – на борту их нет. На бережку небось отсыпаются.

– С чего это им отсыпаться? – хмуро проговорил Книжник.

Вспомнил про грибы. Да уж, могло кончиться еще хуже. Старое правило – «доверяй только себе, да и себя проверяй» – еще никогда не подводило. Остается надеяться, что с ними все в порядке.

Правда, что-то тут до конца не складывалось.

– погоди-ка, – проговорил Книжник. – А Тридцать Третьему с чего спать? Он же кии!

– Все верно, это не спит, – хмыкнул Балабол. – Пришлось его скрутить как следует. А здоровяк дрыхнет будь здоров!

– Ваше счастье, – сквозь зубы процедил Книжник. – Но вы пожалеете, когда он проснется...

– Ой, боюсь, боюсь! – Балабол по-шутовски выпучил глаза, покачал головой. – И что он сделает? На бревне нас догонит?

Хихикнул, будто выдал невесть какую остроту.

– Что будет со мной? – хмуро спросил Книжник. – Убьете? В рабство продадите?

– Стоило на тебя грибы переводить, чтобы потом грохнуть! – скривился Балабол. – Да и раб из тебя так себе – дохловат ты больно. Мы же не звери. И дружков твоих не просто так отпустили – пусть пока покумекают.

– О чем покумекают?

– Чем за тебя расплачиваться будут! Они же головастые, твои друзья, верно? Заплатят за тебя твои дружки – отпустим, у нас с этим четко, как в бухгалтерии. Не заплатят – будем им тебя по кусочкам отправлять. Как говорится, бизнес и ничего личного.

– Так они знают, что я у вас в плену?

– Ну, разумеется! Твоему Тридцать Третьему все доходчиво объяснили. Надеюсь, он и здоровяку все правильно передаст – это в твоих интересах, чтобы они все правильно поняли.

Книжник не смог удержаться от кривой усмешки:

– Ну, тогда я вас поздравляю. Вам крышка.

– Ой ли? – прищурился Балабол. – Это еще что за новости?

– Зигфрид не любит, когда ему ставят условия.

– Скажите пожалуйста – не любит он... – начал было Балабол, но Книжник оборвал его:

– Зигфрид придет и прикончит вас. Всех до единого.

Балабол рассмеялся оглушительно и хрипло. Но смех оборвался на фальшивой ноте, Балабола перекосило, и он бросил с несвойственной ему ранее жесткостью:

– Что-то тебя заносит, малый. Видать, не понимаешь ты мягкого обхождения, – он поглядел в сторону, кивнул кому-то: – А ну, на «карусель» его – пусть покатается!

Книжник даже опомниться не успел, как крепкие лапы сгребли его, поволокли по палубе и зашвырнули в какую-то тесную клеть. Не клетку даже, а именно клеть из железных прутьев, где ему пришлось скрючиться и вцепиться в эти ржавые прутья, так как палуба вдруг ушла из-под ног и качка заметно усилилась. Задрав голову, он увидел, что клеть поднимают цепью на каком-то подобии крана с уродливой лебедкой.

– Тебе понравится! – сообщила уплывающая вниз бородатая гнилозубая рожа. – У нас на «карусели» никто не скучает!

Стрела крана стала со скрежетом поворачиваться, и Книжник ощутил подступающую тошноту. Клеть на несколько секунд зависла над волнами – и пошла обратно по широкой дуге, чтобы оказаться над водой уже по другому борту. Это кружение в дополнение к качке добило и без того расшатанный вестибулярный аппарат – парня вырвало сквозь прутья прямо на палубу, когда клеть пронеслась с нарастающей скоростью в обратную сторону.

– Эй, ты! – проорали снизу под всеобщий хохот. – Ты у меня свою блевотину с палубы слижешь!

Книжника снова вырвало – на этот раз в море. И тут же этот весельчак, управлявший краном, решил, что забавно было бы окунуть пленника вместе с клетью прямо в ледяные волны. Что и было сделано. Клеть рухнула, словно над ней лопнула цепь, – парень так и решил, уже успев попрощаться с жизнью. Черная вода метнулась в лицо, тело обожгло холодом, в ноздри и в рот хлынула соленая вода.

«Ну, все...» – мелькнуло в голове. И тут же клеть дернулась – и шумно, с брызгами выскочила из воды под стрекот лебедки. Хрипя и отхаркивая воду, семинарист решил было, что на этом фантазия мучителей ограничится. Но не тут-то было: вслед за клетью из темных глубин показались уродливые зубастые морды. Здоровенные рыбыны исступленно выпрыгивали из воды, стремясь дотянуться до клетки и клацающая совершенно не рыбьими челюстями. Одной из этих тварей удалось-таки добраться до железной конструкции и вцепиться в нижний прут мертвой хваткой бесчисленных мелких зубов. Парень едва успел увернуться от этих зубов, в ужасе наблюдая, как они клацают в стремлении перегрызть железо.

– Пшла! – прохрипел он, отчаянно колотя рыбину по морде подошвой ботинка. Это было рискованно, так как реакция у рыбыны была отменная и велики были шансы остаться без ноги. В стремлении ухватить его за ботинок рыба отцепилась от прута и лязгнула челюстями в воздухе, но, промахнувшись, полетела вниз, в родную стихию.

Все это вызывало неподдельный восторг команды этого чертова корабля. Видать, с развлечениями здесь напряжёнка. Так или иначе, окунать его в воду больше не стали, и клеть со скрежетом вернулась в пространство над палубой. Правда, в другую ее зону, опустившись среди хаотического нагромождения других клеток разных форм и размеров. Щелчок – и палуба понеслась прямо в лицо, встретив пленника болезненным ударом.

Семинарист застонал от боли. В лицо ударила резкая вонь, которую не разгонял даже морской ветер. Немного придя в себя после «катания» на издевательской «карусели», он разглядел источник всего этого смрада.

Узник оказался посреди какого-то подобия зверинца: окружившие его клетки были забиты самыми разными обитателями – от человекоподобных существ до каких-то чудовищных насекомых размером с крысособаку. Прямо на него сквозь мощную решетку налитыми кровью глазами пялился здоровенный мутант, отдаленно напоминавший гориллу. Какой-то зубастый монстр поменьше пытался дотянуться до него сквозь прутья длинной когтистой лапой. И хотя расстояние казалось безопасным, парень невольно вжался в противоположную стенку клетки.

– Новенький! У нас новенький! – захихикал какой-то тощий уродец с горбом и лысым черепом неправильной формы.

– Свежее мясо, – раздувая ноздри, прорычал гориллоподобный мут. Он отдаленно походил на нео – только сходства с человеком в нем было еще меньше. – Мое!

– Иди к черту! – пробормотал Книжник.

– Говорящее мясо, – мут оскалился, продемонстрировал кривые клыки, облизнулся – язык у него был синюшный, как у покойника. Указал на парня черным пальцем с загнутым ногтем: – Мое!

– И мне! И мне кусочек! – запричитал уродец. – Потрошков мне! Печоночки свеженькой!

Тут Книжник не выдержал. Заорал, тряся прутья и раскачивая клеть:

– Заткнитесь! Заткнитесь все! Я человек – слышите?! Человек, а не мясо! Никто меня не сожрет, я сам вас сожру – поняли?!

Выпустив пар, он вдруг замолчал и как-то резко сник под неподвижным взглядом гориллы. Похоже, его вопли не произвели на угрюмого мута никакого впечатления.

– Лучше не рыпайся, – сказал кто-то за спиной. – Могут ведь наказать – по-настоящему, а не этой детской «каруселью».

Парень обернулся. И не сразу разглядел решетку в корабельной надстройке, скрытую тенью клетки с каким-то сонными ящерами, улегшимися друг на друга слоями. Сначала он увидел только глаза – точнее, белки, сверкнувшие в полумраке. Потом разглядел и самого говорившего.

Этот не был похож на других обитателей этого зверинца. На вид – вполне себе человек, только дико заросший темными грязными волосами и длинной бесформенной бородой. Чем-то он напомнил Книжнику Робинзона Крузо с иллюстрации в древней книге.

– Ты кто? – спросил Книжник.

– Человек, – отозвался незнакомец.

– Да я вижу, что человек, вроде...

– А тебе этого мало?

Книжник скосился на пожиравшего его взглядом мута, отвел взгляд, признался:

– Да нет, в общем-то достаточно. Человек – это уже хорошо.

– Вот и я так считаю.

– Но имя-то у тебя есть? Я вот, к примеру, Книжник.

– Странное имя.

– Скорее, прозвище. Но я уже настолько свyksя, что, считай, имя.

– Почему – Книжник? Книжки, что ли, читаешь?

– Читаю.

– Глупое занятие.

– Почему?

– А что толку от этих книг?

– Знания.

– Многие знания – многие печали.

– Ха, поговорка-то книжная. Сам, небось, прочел?

– Так, услышал где-то...

Что-то было такое в голосе этого человека, что семинарист ему не поверил. Похоже было, что с книгами незнакомец знаком не понаслышке и затаил к ним какую-то странную обиду. Это заинтриговало семинариста – как весь этот разговор двух обитателей клеток, дикий и неуместный среди окруживших их мутантов-людоедов.

– А если не знания, то что тогда? – спросил Книжник. – Что же тогда спасет человечество?

– Человечество уже ничто не спасет. Может, спасутся отдельные особи, да и то – не книжками и не знаниями.

– Чем же тогда?

– Силой. Хитростью. Зубами.

– Только вот тебе, как я посмотрю, сила и хитрость не особо помогли, иначе сидел бы не в клетке, а на капитанском мостике этого корыта, – желчно сказал Книжник и тут же пожалел о сказанном.

Но незнакомец не обиделся. Напротив, рассмеялся спокойным и чистым смехом, будто и не в клетке сидел, а наблюдал представление скоморохов. Сказал:

– Так ведь на силу действия всегда найдется сила противодействия...

– И опять ты сказал по-книжному! – подловил его семинарист. – Третий закон Ньютона цитируешь. Даже не пойму, чего ты так на книги взъелся?

– А ты, парень, – не дурак. Ладно, скажу тебе по дружбе...

– Так мы теперь, друзья? – быстро сказал Книжник.

– По крайней мере, враги у нас общие, раз ты из клетки умничаешь. В общем, мой тебе совет: никому здесь не говори, что ты книжной премудростью увлекаешься. Книгочеев здесь не любят, могут и горло перерезать. А кое-где и сожгут, как ведьмака, – чтобы другим неповадно было.

– Круто тут у вас, как я погляжу.

– Да, как везде, в общем-то. Сам-то откуда?

– Кремлевский я.

– Вот как? Неужто из самого Пскова?

– Из Пскова? – растерянно переспросил Книжник, лихорадочно перебирая в голове все, что знал о географии этих мест. – Почему именно Псков?

– Да вроде кремль в Пскове. Правда, поговаривают, что людей там нет, одни муты...

– Да нет. Из Москвы я. Московский Кремль – неужто не слышал?

– Врешь...

– Отчего же – вру?

– Так ведь нет ее, Москвы-то!

– Как это – нет? – Книжник немного растерялся.

Его вдруг посетил страх: мало ли что случилось с родными местами, пока они скитаются по дальним пределам. Может, и вправду дурное что приключилось?! Мало ли – неопять на штурм двинули или шамы порчу напустили. А может, кио в Академии наук со своими опытами доигрались – и шарахнуло на всю округу?!

– Разбомбили ж ее в Последнюю Войну, Москву-то, – продолжал незнакомец. – Ядерное пепелище там!

Несмотря на такое прямо-таки шокирующее заявление, от сердца несколько отлегло, даже дышать легче стало. Все-таки туго информация по Земле распространяется и зачастую – в искаженном и странном виде. Оно и неудивительно: кремлевские и Москву-то до сих пор толком не изучили, только-только стали выбираться за пределы крепостных стен. А их с Зигфридом путешествие вообще сравнимо, пожалуй, со странствиями Марко Поло в стародавние времена. И если вспомнить, какие небылицы привозили с собой путешественники из дальних странствий, удивление проходит само собой.

– Да нет – цела она, Москва, – терпеливо возразил Книжник. – И Кремль Московский цел – наши предки выстояли, отстояли Последний Рубеж. Правда, много народу полегло, когда НАТОвские боевые роботы перли к центру. Но Кремль стоит, и то, что я здесь и я жив, – прямое тому доказательство.

– То, что ты здесь, в клетке, – лишь доказательство твоей глупости, – возразил из-за своей решетки лохматый незнакомец. – А то, что живой, – вообще не факт. Сейчас ты жив, а через час у Кэпа настроение испортится...

– Чего ты от меня хочешь? – раздраженно отозвался Книжник. – Ну, не веришь – дело твое. Что же мне, берестяную справку предъявить?

– Не может быть, что Москва цела, – упрямствовал незнакомец. Правда, уверенности в голосе у него несколько поубавилось. – Все же знают, что связь с ней лет двести как потеряна напрочь...

– Связи действительно нет, – признал Книжник. – И похоже, что на восток, до самого МКАДа, – сплошь Поля Смерти да радиоактивные пятна, раз до сих пор отсюда к нам никто не добрался. Да только факт остается фактом: я кремлевский семинарист и княжий советник...

После некоторой паузы незнакомец потребовал:

– Докажи!

– Здрасьте пожалуйста, – обескураженно произнес Книжник. – Как же я это докажу? Да и какой в этом толк?

– А толк очевидный. Или ты говоришь правду – в чем я по по-прежнему сомневаюсь, или я делаю вывод, что ты опасный пустобрех...

– Вроде вашего Балабола?

– Я пропущу мимо ушей то, что ты ставишь меня рядом с этим подонком. Но дело не в этом. Если ты не врешь и Москва уцелела – ты многим из нас подаришь надежду. Но не дай бог тебе нас разочаровать...

– А вы – это кто? Эти? – Книжник кивнул туда, где раздавались пьяные вопли. – Ты один из них, просто провинился в чем-то?

– Я похож на головореза без чести и совести? – пленник, похоже, обиделся.

Поглядев на заросшую физиономию с выпученными, беспокойными глазами, Книжник пожал плечами:

– А что? По мне – так вполне...

Узник возмущенно фыркнул:

– Ну, знаешь... Скажи спасибо, что между нами решетка, не то пришлось бы тебя поучить хорошим манерам!

– Похоже, это тоже из какой-то книги! – парировал семинарист. – Дай угадаю, какой...

Ему вдруг стало весело: он никак не ожидал найти интересного собеседника в такой обстановке. Правда, это веселье больше походило на истерику: его начинало мелко трясти от холода после ледяного купания. Он поежился, повернулся спиной к собеседнику – и вздрог-

нул: гориллоподобный мут разглядывал его в упор, подгребая мощными лапами прямо вместе с клеткой.

– Мясо! – пророкотал мут, протягивая сквозь две решетки мощную лапу, – теперь она почти доставала до лица побледневшего парня.

– Отвали! – заорал Книжник, попытался пнуть лапу ногой.

Зря он это сделал: здоровенная пятерня ухватила его за ногу и с силой боевого биоробота потащила к себе. Он пытался удержаться, вцепившись в прутья на своей стороне решетки, но чувствовал, что, даже если это удастся, кровожадному монстру ничего не стоит просто открутить ему ногу, вырвав из сустава с корнем.

Помощь пришла, откуда он никак не ждал: корабль круто накренился на волне – и незакрепленная клетка с мутотом заскользила назад по мокрой палубе. Воспользовавшись потерей равновесия мута, отчаянным рывком ногу удалось высвободить. Клетка с гориллоподобным отползла метра на три, уткнувшись в нагромождение каких-то ящиков. Неудача привела мута в ярость: он принялся биться в бессильной злобе, реветь и трясти клетку.

Книжник в оторопи наблюдал эту картину, лежа на дне своей тесной клетки. А за его спиной глухо смеялся незнакомец. Книжник попытался презрительно сплюнуть – не вышло, пересохло во рту. Он сел, поджав под себя ноги, склонился на косматого узника.

– Тебе, я вижу, смешно? – проворчал парень.

– Да уж, не много у меня здесь развлечений, – отозвался человек. – Разве что за мутами наблюдать да за драками напившихся Вольных.

– И давно ты здесь?

– Время относительно. Для того, кем я был, – долго, для того, кто я сейчас, – уже не имеет значения.

– Да ты философ! Одного не пойму – какой смысл этим бандитам держать тебя под замком? Кормить, охранять. Куда проще – отправить за борт или на мясо пустить, уж прости за бестактность.

– Да ничего, дело житейское. Только я слишком дорого стою, чтобы меня просто прикончить.

– Это ж насколько дорого?

– Настолько, что моим никогда не собрать за меня выкуп, – спокойно сказал человек. – Так что, похоже, я здесь до самой смерти.

– И какая им тогда выгода – держать тебя в клетке?

– А я у них вроде талисмана, – человек невесело усмехнулся. – Тешу самолюбие Кэпа. Да еще, думаю, я для них что-то вроде последнего шанса.

– Не понял.

– Жизнь ведь по-всякому обернуться может. Прижмет, скажем, фортуна Кэпа к стенке – а он возьми, да и предъяви меня: мол, я его пощадил, кормил, заботился. Глядишь, и снисхождение вымолит – это он так думает. Скажу тебе по секрету – зря надеется. Я человек мягкий, но есть предел и моему гуманизму.

– Видать, ты большой человек в этих местах.

– Ты имеешь в виду эту скотную палубу? Пожалуй, особенно если учесть, что тут только два человека – ты да я. Да и то, в тебе я не уверен на сто процентов.

– Нормально... – семинарист даже немного обиделся. – В чем, в чем, а в том, что я человек, еще никто не сомневался.

– Сомнение – черта, отличающая разумного.

Книжник рассмеялся:

– Да ты болтун побольше Балабола! Даже не думал найти умного собеседника в этом зверинце!

– Когда месяцами не с кем перекинуться словцом, при первой возможности, хочешь не хочешь, а станешь оратором... – человек зыркнул куда-то в сторону, запнулся. – А вот теперь рекомендую, напротив, – притвориться немой!

– Чего? – не понял Книжник.

Но незнакомец, которого он успел прозвать про себя «косматым», скрылся в глубине своей «камеры». Отчего-то Книжник не сразу решился обернуться – будто спиной почуял какую-то угрозу. Но когда на него надвинулась грозная тень, заставил себя глянуть через плечо.

Над клеткой, чуть покачиваясь на расставленных на ширину плеч ногах, возвышалась рослая фигура довольно странного вида. Такой покроей одежды Книжник видел разве что на картинках. Большинство народа вокруг носило что придется – лишь бы прочное было да теплое. Ценился камуфляж, бронежилеты, легкие доспехи. Главное – функциональность.

Этот был одет в длинный... Черт, даже слова такого в голове не находилось. Сюртук, что ли? В общем, эдакий длинный пиджак из черной потертой кожи, с двумя рядами позеленевших от времени бронзовых пуговиц. Разношенные сапоги, тем не менее, лоснились матовым блеском, на голове же был чудовищный головной убор, название которого тоже не сразу всплыло в памяти. Фуражка! Черная, с широкими полями, круто загнутая кверху, с таким же, как пуговицы, позеленевшим «крабом» над черным треснутым козырьком. Поразительно, но эти выдававшие виды атрибуты лишь придавали фигуре невиданной в постыдающем мире элегантности и значительности. Но еще больше – какого-то смутного страха, внушаемого этим образом.

Может, дело было вовсе не в одежде, а в сухом, длинном, изрезанном вертикальными морщинами лице, скрывавшемся под тенью фуражки. Оно казалось вырезанным из куска дерева, причем вырезанным грубо и при том слегка иссохшим и даже несколько обгорелым. Лицо это пугало своей неподвижностью – как и вся фигура, замершая перед клетками. И только легкая качка заставляла ее чуть двигаться в такт волнам, удерживая равновесие. Да еще ветер чуть трепал тяжелые полы сюртука. Можно было подумать, что этот странный человек забыл, зачем он здесь оказался, и погрузился в тяжелые и мрачные, как он сам, мысли. Держался он при этом монументально, заложив правую ладонь за край сюртука, напоминая какого-то забытого древнего диктатора.

– Скоро лед встанет, – скрипуче и глухо произнес человек.

Книжник глазел на него, ожидая продолжения. Оно заставило себя ждать: похоже, странный человек никуда не торопился. Парень был уверен, что этот тип обращается непосредственно к нему. Но, рассматривая визитера, он с неприятным удивлением понял, что тот смотрит поверх него – прямо в ржавую переборку надстройки.

«Псих, что ли? – неуверенно подумал Книжник. – Этого только не хватало!»

– Скоро встанет лед, – повторил незнакомец. – Идут холода.

Слушая странный монолог, пленник и впрямь ощутил пробежавший по спине холодок. Наверное, чтобы преодолеть в себе этот непонятно откуда наползающий страх, Книжник подал голос:

– А что будет со мной?

Фигура чуть вздрогнула, словно очнулась. Человек перевел взгляд на Книжника, рассматривая, чуть склонив голову. Рассеянность ушла из его темных, близко посаженных глаз, взгляд стал холодным и колким.

– Из клетки не задают вопросов, – тем же скрипучим голосом сказал незнакомец. – В клетке сидят. И ждут.

Он развернулся и пошел прочь – неторопливо, под скрип задубевшей кожи старых сапог и мерный стук каблуков.

– Чего ждут?! – крикнул вслед Книжник.

Ответа не последовало – черная фигура скрылась за торчавшей из палубы закопченной трубой. Словно торопясь смыть следы преступления, на палубу, где только что он прошел, плеснула волна, вода с шипением, как будто разъедая металл, поползла обратно за борт.

– Кто это был? – вслух сам у себя спросил Книжник.

– Кэп, – прозвучало за спиной. – Собственной персоной.

Косматый снова повис на прутьях, заградивших ему путь к свободе. Он с насмешкой разглядывал Книжника. Тот все еще пытался понять, что означал этот странный визит, потом плюнул на это безнадежное занятие.

– Он всегда у вас такой разговорчивый? – спросил Книжник.

– Сегодня он просто блистал красноречием, – сообщил косматый. – Наверное, ты вызвал у него какие-то воспоминания. Может, в нем даже всколыхнулось что-то человеческое. Хотя я бы особо не обольщался.

– Не обольщался бы? – эхом повторил Книжник.

– Когда я был маленьким, детей у нас пугали Хромым Хрипом – был один такой подонок, всех бандитов держал за одно место. Страшный был человек. А потом появился Кэп. И Хромого Хрипа нашли в виде фарша, размазанного по Старой набережной. С тех пор все убийцы и садисты Залива боятся старину Кэпа. И население побережья значительно поуважилось с тех пор. Чего не скажешь о влиянии Кэпа. Так что я бы не особо умилялся его приятной наружности.

Книжник поежился:

– Что-то я не заметил в его наружности чего-то приятного.

– Согласен, последнее время он стал сдавать. Но жестокости в нем не стало меньше. Правда, и действует он теперь не так прямолинейно...

Книжник слушал, разглядывая грязные клетки с их омерзительными обитателями, ржавую палубу и неряшливый такелаж. Становилось тоскливо.

– Я хочу выбраться отсюда, – заявил он.

– Вот как? – спокойно отреагировал косматый. – Как ты себе это представляешь?

– Я найду способ.

– Мне импонирует твоя решительность. Может, тебе даже удастся сбежать. А что дальше?

– В смысле? Я стану свободным!

Косматый рассмеялся:

– Сразу видно, что ты не местный. Может, даже и впрямь московский – где еще могут вырасти такие чудики?

– Я бы попросил!

– Не обижайся. Но ты, видать, не понимаешь, о чем говоришь. Ты не сможешь сбежать. А если сбежишь – от Кэпа не спрячешься. А если и спрячешься – то все равно не протянешь долго. Потому как у Кэпа закон простой: беглецу – за первую попытку плеть, за вторую – отрубленные пальцы, за третью – на разборку. Причем, последовательность не строгая и зависит исключительно от настроения Кэпа.

– А что, люди на берегу не помогут? Ей-богу, не все же такие звери!

– Не все, конечно. Но если Кэп объявит за тебя хорошую цену – рассчитывать на это не стоит.

– И какова же моя цена, по-твоему?

Косматый с прищуром оглядел Книжника, оценивая, как какое-нибудь домашнее животное на разделку. Сказал:

– Да жратвы на месяц или полста патронов. Ну или пара золотых червонцев по нынешнему курсу.

– Негусто же за княжьего советника готовы выложить! – обиженно протянул Книжник.

– Так ведь твой князь за тебя не впишется! – хмыкнул косматый. Шутовски огляделся. – Где он? Где твой Кремль? Нету! Стало быть, твоя цена здесь – стреляная гильза, и Кэп это прекрасно понимает.

– Вписаться, говоришь, за меня кто-то должен? – криво улыбнулся Книжник. – Ну, и если вопрос стоит так...

В разговор вмешались крики с носовой части судна. Что-то там заскрипело, заскрежестало. Душераздирающе взревела сирена.

– Что такое? – Книжник вытянул голову, но не видел ничего, кроме возбужденного шумом мата, яростно трясущего прутья клетки.

– Заметили кого-то, – косматый поморщился. – Сейчас кого-то трясти будут.

– Кого трясти? – не понял Книжник.

– Мы их или они нас – в зависимости от того, кто там на пути попался.

– А возможны варианты? Я-то думал, у вас Кэп всех строит.

– Среди Вольных да прибрежных поселенцев – так оно и есть. А как встретится по курсу Мастер Гавани – тут и по-другому повернуться может. Придется добычей делиться, а то и вообще в минуса уйти можно. Кэп этого ой как не любит, но с Мастером ссориться не станет.

– А что, этот Мастер – он бандит построже вашего Кэпа?

– Это как посмотреть. Он вроде как и не из Вольных, и в ватаге ни в какой не состоит, но издавна Гавань держит. И в этом его сила. Потому как без Гавани и Кэпу лютовать резона нет. Все пути ведут в Гавань – слышал поговорку?

– Ага... Хотя она, вроде, как-то по-другому звучала.

– Не важно. В общем, Мастер – он вроде бы ни при делах, но все вольные вокруг него крутятся. И в море с ним лучше не встречаться – он на плавучей батарее ходит, даже Кэпов шлюп против неё – игрушка...

Слова косматого оборвал низкий гул и вибрация палубы под ногами. Из трубы над головой с придушенным кашлем вырвалось облако сажи, что тут же осыпалось на голову мелким черным «дождем». Следом повалил густой черный дым. Шустрые муты на реях принялись торопливо сворачивать паруса, уже окутавшиеся едкими черными клубами. Палуба дрогнула – судно стало прибавлять в скорости.

– А, нет, не Мастер, – флегматично сообщил в косматый. – Догоняем кого-то. Надеюсь, без стрельбы обойдётся.

Не обошлось.

Книжник не видел, как откинулись по бортам оружейные порты и высунулись массивные стволы примитивных пушек с дульным заряданием. Зато слышал зычные команды боцмана и наблюдал за мельтешением по палубе вооруженных фигур. Бандиты, или, как они себя сами именовали, «вольные», были возбуждены и свирепы на вид, обвешавшись всеми видами холодного оружия.

– На абордаж пойдут, – пояснил косматый. – Видать, рыбака или купца засекли.

Перед глазами Книжника возникли картинки из читанной в детстве книги про корсаров из библиотеки кремлевской Семинарии. Среди прочих эта книга была наиболее затертой: даже бесконечные ледяные ночи ядерной зимы не отбили у семинаристов интереса к дальним странам, теплым морям, кораблям и сокровищам. Все это давно воспринималось, как сказка: не было больше теплых морей – одни лишь отравленные адские глубины, населенные подводными монстрами. А тяга к морским грабежам, видать, неистребима – и пиратство как вид деятельности не сильно мутировалось со временем.

– Посмотреть бы, – вытягивая шею, проговорил Книжник. – Никогда не видел абордажной атаки!

– Так какие проблемы? Пойди и посмотри, если не боишься пулю в лоб получить, – усмехнулся косматый. – У тебя же клеть для безмозглых тварей – без замка.

Книжник непонимающе огляделся, уставился на узкую дверцу, через которую его сюда впихнули. И с изумлением убедился, что замка действительно нет – одна лишь ржавая железная щеколда, правда задвинутая от души в узкую железную же петлю. Повозившись и расшатав, щеколду удалось сдвинуть – и дверца со скрипом открылась. Путь к свободе был открыт.

В этот момент Книжник ощутил страх. Непривычный, неприятный страх перед свободой. Когда побег дается слишком уж легко – это всегда настораживает. Сейчас же Книжник ощущал себя беспомощным слепым щенком. И, словно почувствовав его страх, рядом принялся трясти клетку гориллоподобный мут, выкрикивая с придыханием, низко и хрипло:

– Куда, мясо? Мое! Мясо! Куда?!

– Ну что же ты? – с насмешкой спросил косматый. – Передумал? Правильно – бежать нет смысла. С корабля никуда не деться – за бортом ты и минуты не продержишься. Даже если тебя не убьет ледяная вода, веселые рыбки быстро обглодают твои нежные кости. А если поймают – наказание будет еще хуже. Так что, правильно ты решил: закрой клетку – и сиди спокойно. Может, еще придет время свободы. А может, и нет. Судьбу все равно не обманешь.

Он говорил спокойно, но словно нарочно подтрунивал над парнем, провоцируя того на необдуманный поступок. И цели своей добился: семинарист решился. Выругавшись, он толкнул ногой дверцу – и вынырнул в узкий лаз. Встал на ноги и потянулся – с невероятным наслаждением. Он даже не думал, что таким удовольствием станет простая возможность выпрямиться в полный рост.

– Ты бы особо не расслаблялся, – посоветовал косматый. – Не маячь посреди палубы, хотя бы. Все сейчас отвлечены на атаку, но и ты не наглеи!

Семинарист быстро поглядел на косматого, приблизился к его клетке. Изнутри пахло вонью отходов и немытого тела. Осмотрел прутья, засуетился:

– Давай подумаем, как тебя вытащить... Можно замок сломать – я поищу какую-нибудь железку.

– Забудь об этом, – оборвал его узник. – Говорю же тебе – бежать некуда.

Книжник поглядел в его глаза, в которых застыла какая-то спокойная обреченность. Этот человек казался мудрее и старше своих лет. Может, он пережил такое, что и не снилось юному семинаристу. В любом случае, оставаться в клетке или хвататься за последний клочок свободы – этот выбор каждый должен сделать сам. Книжник представил себя на месте косматого, в этой тесной вонючей клетке – и содрогнулся. Ну уж нет, он бы ни за что не отказался от возможности вырваться из холодной железной норы.

– Ладно, как знаешь, – проговорил парень. – А я пойду, осмотрюсь.

Косматый не ответил, равнодушно наблюдая за тем, как крадучись пятится прочь от него освободившийся пленник.

Пробираясь вдоль клеток с незнакомым зверьем, семинарист вдруг ощутил неуверенность, граничащую с паникой. Он понял, что имеет в виду косматый: спрятаться здесь особо негде, бежать некуда. Взгляд упал на металлическую лесенку, приваренную к надстройке за трубой. Не раздумывая, он вскарабкался по узким перекладинам наверх, осторожно выглянул на расположенную сверху небольшую площадку.

Вздвинул от представшей ему взгляду огромной железной «виселицы» из выкрашенного в красный металла с качающейся под нею цепью с уродливым крюком. Не разу понял, что это тот самый кран, с помощью которого над ним так изощренно издевались. У основания крана имелось грубое железное сиденье с торчавшими перед ним рычагами – наверное,

отсюда кран и управлялся. Сейчас же здесь никого не было, и Книжник осторожно выполз на площадку, подобрался к основанию стрелы, выплянул вперед.

Обзор отсюда открывался неплохой. И было видно, что корабль еще больше и еще уродливее, чем представлял себе Книжник. Становилось понятно, что и стрела, и клетки с плененными существами находятся ближе к корме между трубой и краном. Это было что-то вроде грузовой палубы, так как помимо клеток здесь были видны какие-то рифленые контейнеры и штабеля ящиков. Нос корабля отсюда не просматривался – мешала мачта и капитанский мостик впереди – так он определил конструкцию на решетчатых формах, по которой расхаживал характерный силуэт, что мог принадлежать только Кэпу. Были там еще какие-то фигуры, но на них парень уже не смотрел – он заметил еще одно судно, впереди них по левому борту. Судно было длинное, приземистое и даже на первый взгляд уступавшее в размерах кораблю Кэпа. Оно отчаянно виляло, вдоль его бортов хаотично двигались какие-то длинные предметы, в которых Книжник не сразу узнал весла.

Площадка под парнем снова завибрировала в сопровождении зловещего низкого гула, из трубы повалил, отползая назад, еще более густой дым. В лицо ударило плотным ветром.

Набирая ход, корабль забирал влево и нагонял несчастное суденышко. При этом в повороте он ощутимо заваливался на противоположный борт, и волны едва не захлестывали низкую палубу – мореходность корабля оставляла желать лучшего. Из черной трубы, как из жерла вулкана, валил дым и сыпались искры, грозя спалить все способное гореть на борту. Но разношерстную команду это не смущало: с десятков головорезов уже собралось левом борту, вооруженных преимущественно холодным оружием – палашами, пиками, баграми, обвешанных бухтами канатов с крюками на концах. Оттуда доносились нетерпеливые выкрики и нервный хохот.

Неровно загромыхало, левый борт окутался клубами белого дыма, едко запахло порохом. Вокруг нагоняемого судна выросли пенные всплески. Попасть из примитивных бортовых орудий на таком расстоянии в небольшое судно было не просто. Но, видимо, такой задачи не ставилось – требовалось, скорее, напугать, чем потопить, заставить сбросить ход. Правда, эффект был прямо противоположный – весла на суденышке задвигались еще активнее, оно стало отворачивать еще больше влево. Но это уже не могло его спасти. Содрогаюсь работающей на всех оборотах машиной, корабль вольных настигал жертву. Еще несколько минут погони – и он почти с ней поравнялся. Теперь стало возможным разглядеть, что это, – беспалубное судно, вроде большой шлюпки, битком набитой людьми. Отчего-то Книжник ожидал увидеть на борту беглеца суровых мужчин, не менее свирепого вида, чем нападавшие. К его изумлению, суденышко проседало под грузом женщин, стариков и детей. Мужчин было меньше половины – оборванные и тощие, они сидели на веслах.

Корабль Кэпа выглядел рядом со шлюпкой железной громадой и едва не раздавил ее корпусом, грозя опрокинуть мощным пенным буруном. Словно опасаясь, что добыча действительно ускользнет на дно, атакующие принялись швырять на борт преследуемого судна железные крюки на тонких и прочных канатах. Ослабевшие от бешеной работы веслами гребцы еще пытались избавиться от железных «кошек», стремившихся впиться в плоть и кости пассажиров. Даже отсюда Книжник слышал крики и стоны гребца, приколотого железными кручьями к борту собственного суденышка. Несколько канатов беглецам удалось обрубить. Но и пары оставшихся хватило ватаге Вольных, чтобы подтянуть добычу к железному борту.

Со стороны беглецов послышались выстрелы – несколько жалких хлопков, не причинивших преследователям особого вреда, но явно их разозливших.

Все это время Кэп стоял неподвижно, наблюдая за происходящим с безучастным видом человека, год за годом созерцавшим одну и ту же картину. Похоже, команда Кэпа была прекрасно слажена и натаскана на подобные задачи. А может, добыча была слишком мелка,

чтобы утруждаться личным командованием. К Кэпу подбежал какой-то жирный коротышка, которого Книжник окрестил для себя «боцманом», – судя по свистку на шее, он и выполнял на корабле эту роль. Тихо отдав какие-то распоряжения, Кэп удалился с мостика.

Все, что происходило следом, напомнило Книжнику кровавое безумие. Нападавшие, оцетинившись оружием, посыпались на борт шлюпки, хотя казалось, там не осталось места даже для того, чтобы стоять. Для корсаров это не стало проблемой – они шли буквально по головам, по телам, коля и рубя всех, кто пытался сопротивляться. Суденышко зашаталось, грозя опрокинуться, просело под новой массой. Поднялся крик, кто-то прыгал за борт – и поверхность воды, под которой кружили жадные морские твари, вскипела от крови.

– Вот черт... – растерянно пробормотал Книжник. – Что же это делается, а?

Он видел много крови, страх и смерть шли за ним буквально по пятам. Но невозможно привыкнуть к детскому крику и женскому плачу. Если бы он мог что-то сделать, если бы мог... Если бы он хотя бы был таким же сильным, ловким, безжалостным, как Зигфрид, – этим подлецам не поздоровилось бы. Но он – всего лишь кремлевский семинарист, лишь недавно выбравшийся за стены родной крепости, и оружие в его руках держится куда хуже, чем книга или стило, коим выводят на бересте умные тексты.

А корсары уже затаскивали на палубу уцелевших, волокли их куда-то в сторону средней надстройки. Еще немного – и шлюпка обезлюдела. Теперь захватчики перекидывали на борт своего судна добычу – тюки, мешки и ящики. Но, судя по всему, главной добычей стали пленники.

Рискуя попасться на глаза обезьяноподобным тварям, лихо пронесившимся над палубой по натянутым снастям, он пробрался еще ближе к носу, к маленькой площадке, куда сгоняли пленников. Он все еще не мог понять, как с ними собираются поступить, ведь клетки для пленников находились ближе к корме.

– Эй, внизу! Глуши машину! – донесся резкий голос Балабола. – Нечего зря горючку палить! Добыча того не стоит!

Не прошло и десятка секунд, как вибрация палубы ушла и из трубы перестал валить едкий дым. Видать, Балабол годился не только для того, чтобы сотрясать воздух, он выполнял здесь какие-то командные функции. Может, старшим помощником при Кэпе был – если здесь признавалась традиционная флотская субординация.

А пленных уже сортировали – быстро и ловко, будто и не люди это, а какое-то зверье, предназначенное на убой. Большую часть согнали в центр круга из вооруженных людей, поставили на колени. Всего их было около трех-четырёх десятков. Из центра быстро выхватили нескольких наиболее немощных стариков. Не раздумывая подтащили их, почти не сопротивлявшихся, к борту – и без лишних разговоров швырнули в ледяную воду. В кругу поднялся крик и вой. Какой-то тощий тщедушный мужчина бросился на вооруженных охранников и получил короткий удар багром в грудь, отчего тут же рухнул, как срубленная жердь. Убийца тем же багром зацепил тело и потащил к борту, оставляя за собой широкую кровавую полосу. Столкнул тело и вернулся на место в оцеплении, брезгливо стряхивая кровь с острия багра. После этого пленники сникли и обреченно притихли.

А на мостике над ними снова появилась жутковатая фигура Кэпа. Отсюда его было видно гораздо лучше – мрачный темный силуэт в фуражке медленно проплыл по трапу и замер над притихшей толпой. Все ждали его слов – и пленники, и пленители.

Но лидер вольных не торопился. Можно было подумать, он нарочно выдерживает эту тягостную паузу. Или снова погрузился в свои мрачные мысли, отключившись от потерявшего для него значение мира.

– Скоро лед встанет, – донеслось до Книжника. – Скоро встанет лед...

Теперь эти слова приобрели какой-то злобный оттенок. Кэп снова замолчал, а все тарасились на него, будто тот разразился невесть каким откровением. Книжник уже наде-

ялся, что дело так и кончится ничем, – ведь грабеж уже состоялся, как и расправа над теми, кто оказал сопротивление. Но Кэп вдруг заговорил, словно проснувшись, – и слова его падали тяжело, как свинцовые капли:

– Вольным дано бороздить волны. Червям – копать землю. Черви, вообразившие себя вольными, будут кормить морских гадов. Так заведено, и это неизбежно, как то, что встанет лед на Заливе.

Кэп замолчал, и по всему было видно, что он высказался сполна. Словно подхватив эстафету, у ног Кэпа появился Балабол, разразившийся неожиданно резкими воплями:

– Все слышали Кэпа?! Девоч – команде, старух – за борт, щенков – в клетки! Остальных на реи! И чтобы красиво было! Чтоб все понимали – идет «Железный Таран» и спуску никому не будет! Вот так!

Книжник еще не осознал, что происходит, наверное, сбил с толку голос Балабола – ведь он по-прежнему воспринимал нового знакомого как безобидного трепача. Но женский визг и детский плач заставили семинариста по-новому взглянуть на хозяев этого жуткого корабля.

Никакие это не корсары, за которых он их принял, отравленный старыми книгами о теплых морях и благородных нравах. Эти были обыкновенными убийцами, садистами и каннибалами. Такими, как они, полны обезлюдевшие после Последней Войны радиоактивные просторы. Когда собственное выживание становится важнее жизни других, когда над тобой нет закона, а совесть считается болезненной слабостью, на первый план выходит сила. И хорошо, когда за этой силой стоит наследие предков, не растерянное за двести лет лютой ядерной зимы. Когда же за мелкой душонкой нет ничего святого, верх берет обыкновенное скотство.

И люди превращаются в монстров. Нет, внешне они могут вполне походить на людей, которых пощадили мутагенные факторы. Семинарист уже встречал муттов, изуродованных радиацией и Полями Смерти, но внутри сохранивших искру человечности. Здесь хуже.

Мутирует душа.

Страшно, до неузнаваемости – иначе не объяснить то, что творят эти человекоподобные чудовища с себе подобными. Нужно было бежать, чтобы не заражать мозг и душу представшим пред ним ужасом. Но не было сил отвести взгляда от происходящего, а еще хуже – избавиться от этих криков, переходивших в звериный вой.

Палуба превратилась в скотобойню. Убийцы скользили в крови и кишках, падая и смеясь друг над другом, словно катание на скользком от крови металле и было целью всего этого кошмара. Но главным, все же, было не это.

Трое бандитов ловко работали длинными и тонкими ножами, заживо снимая с жертв кожу. Суть действия заключалась даже не в этой пытке. Это была лишь подготовка материала для главного лица этого кровавого спектакля.

Самого Кэпа.

Подготовленную, все еще дергающуюся в конвульсиях жертву подвешивали на цепях – и Кэп брался за дело. С мастерством скульптора он орудовал тонким кликом, превращая содранную человеческую кожу в некое подобие произведения искусства. В его руках, натянутых в черные перчатки, несчастные превращались в фантастических существ с крыльями из собственной кожи. Распятые на тонких каркасах, жертвы взмывали на реи – и ветер трепал тонкую, изрезанную узорами кожу, а на головы убийц затихающим дождем капала кровь. Теперь они парили над реями, и их слабые стоны смолкали в шуме ветра.

– Хочу домой... – закрыв глаза, прошептал Книжник. – Скорее домой...

Глава третья

Против правил

Не помня, как он нашел дорогу назад и как не переломал себе кости на запутанных переходах и трапах, тяжело дыша, не видя ничего вокруг себя, Книжник забился в клетку, захлопнул за собой дверь. Сжался, зажмурился и принялся раскачиваться, обхватив руками колени, пытаясь прогнать картины, навязчиво маячившие перед глазами.

Люди с крыльями из собственной кожи, парящие над волнами под реями. Ад, устроивший себе филиал на этой железной палубе. Стоны, крики и люди, потерявшие человеческий облик.

– Что-то ты быстро! – из своего угла не без иронии констатировал косматый. – Что, не понравилось шоу нашего затейника Кэпа?

– Иди к черту! – не открывая глаз, огрызнулся Книжник. – Все вы идите к черту! Убийцы, уроды, мерзавцы... Как вы только до сих пор не перебили друг друга?! Подонки...

– Наверное, потому, что не все у нас такие, как Кэп и его ватага, – уже без тени веселья сказал косматый. – Что он там, опять «журавликов» запускал?

– Что? – Книжник открыл глаза, изумленно поглядел на товарища по несчастью.

– «Оригами», говорю, из пленников делал? На реях развешивал?

Семинарист с трудом смог соотнести древнее японское искусство создания бумажных фигурок с издевательством над живыми людьми. Если это была ирония – то ирония запредельная, которую он просто не мог принять. Хотелось рыдать, кричать, драться – но не осталось ничего, кроме тупого оцепенения.

Проклятье, оригами из человеческой кожи – кто бы прикончил этого маньяка! Неужто до сих пор ни у кого не возникло желания расправиться с Кэпом? Даже не из мести, и даже не из страха – а просто, чтобы не было на Земле такого чудовища, прикинувшегося человеком.

Или он, наивный семинарист, слишком мало знает о жизни в этих местах? Да что там – ни черта он не знает. А после увиденного сегодня вообще ничего знать не хочется. Хочется уснуть – и проснуться в тихой семинарской келье, в окружении любимых книг. И что только толкнуло бывшего школяра в эти странствия?

– За что их, а? – хрипло спросил Книжник. – За что из всех?..

– Думаешь, мне отсюда лучше было видно? – отозвался косматый.

– Да, точно – ты же здесь отсиделись... – Книжник сбивчиво описал увиденное, причем в описательной части тошнотворный ком снова и снова подкатывал к горлу. Проклятье – так можно и кишки вытошнить!

Выслушав парня, косматый помрачнел. Сказал неохотно:

– Похоже, это беженцы из Пиллау. Там территории, подконтрольные Вольным, и люди на них по законам Кэпа живут. Если и не совсем рабы, то вроде как... – он замаялся.

– Крепостные? – подсказал Книжник.

– Вот-вот. За право жить на территории Вольных они работают на Вольных или платят дань – едой, золотом и железом. А кто просрочил – у того, сам понимаешь, проблемы. Но долги имеют свойство накапливаться, и когда уже никак не расплатиться – некоторые пытаются убежать. А убежать оттуда лишь по морю можно.

– И куда же им бежать, если, как ты говоришь, бежать некуда?

– А кто об этом думает, когда тебе грозит «оригами» от Кэпа?

Книжник молча кивнул. Аргумент, конечно, убойный.

– Некоторым везет, – продолжал косматый. – Если их принимают под чужими именами в общины Кенигсберга. Тоже своего рода рабство, только чуть менее тяжкое. Но большая

часть беглецов просто гибнет. Кто-то тонет в пути. А кто-то попадает в руки Кэпа и его людей.

– Лучше бы эти несчастные утонули.

– Э, нет, брат. По здешним поверьям, морская пучина – это Ад, как он есть. А утонуть – все равно, что обречь себя на вечные муки. А уж тот, кто сам утопился, – тот будет проклят во веки веков. Так что стать «журавликом» в лапах Кэпа – для многих не самая страшная участь.

– Ты так говоришь, будто сам в эти поверья не особо-то веришь.

– Ну, тот, кто отравлен знаниями, плохо дружит с поверьями. Ты же сам все про меня понял: я знаком с древними книгами, и не только с книгами – есть ведь и другие носители информации... Иногда я жалею о том, что вообразил себя умнее прочих – хочется про все забыть, положиться на высшие силы. Но это слабость, а я не могу позволить себе роскошь быть слабым.

Узник все говорил, и Книжник видел, как тот превращается в совершенно другого человека, которому не место за грязной решеткой. Наверное, у него были причины скрывать свою личность. Может, он просто не верил Книжнику. Неужто считает его «подсадным», шпионом, посланным выведать у сидельца некие тайны?

– Никак не пойму – кто же ты такой? – спросил Книжник. – Откуда у тебя доступ к книгам? Что же, у вас библиотеки имеются, школы? Да и само желание читать – оно ведь не у каждого есть!

– Это ты в точку попал – не у каждого. Да каждому и не нужно. К чему мозги, когда важнее мышцы? А школы... – косматый невесело усмехнулся. – Боюсь, тебя просто не поймут – что такое школа и на черта она нужна? Читать умеют единицы, да и то, знания передаются от наставника к ученику, как у бонус к мастерству владения оружием. Все, что не имеет прикладного значения, – все это ненужно и вредно.

В словах Косматого звучала досада. В другое время семинарист с удовольствием бы обсудил проблемы образования и науки, но странно было вести такую беседу через прутья решетки. К тому же косматого оборвал какой-то новый звук, донесшийся откуда-то из-за клетки с беспокойными, похожими на гиен тварями. Станный звук, неуместный. Он не мог принадлежать ни одному из этих уродливых муттов.

Детский плач. Книжник сначала подумал, что ему померещилось. Потом вспомнился приказ Балабола – детей посадить в клетки.

– Ты слышишь? – подняв руку проговорил парень.

– Слышу, – отозвался косматый. – Лучше бы их прикончили сразу.

Книжника передернуло. Он привык, вроде бы, к жестокости этих суровых мест, но не ждал такого из уст своего разумного собеседника.

– Как ты можешь? – проговорил Книжник. – Они же совсем маленькие!

– Пока ты мал – и беда для тебя не так велика. Горе растет, как снежный ком, превращаясь в проклятье взрослого. Не лучше ли оборвать мучения, пока не осознал всего ужаса бытия? Стоит ли жить дальше со зрелищем убитых у тебя на глазах родных?

– Стоит, – глухо отозвался Книжник. – Каждая жизнь имеет значение для человечества, которое только-только начало выкарабкиваться из бездны. И никакой ужас, никакое зверство не остановит возрождение – главное, не опускать руки.

– Ты все еще веришь в человечество?

– Я верю в себя и своих друзей. Если даже у человечества не хватит сил – мы все равно не опустим руки.

– Похвальный оптимизм, – несколько натянуто проговорил косматый. – Давно не встречал подобного отношения к жизни. Честно говоря, никогда. Может, и не выдумываешь ты ничего, может, и вправду есть этот сказочный Кремль, откуда придет к нам спасение?

– Хочу тебя успокоить, – мрачно отозвался Книжник. – Таких, как я, и в Кремле немного. Меня больше волнует, что эти мерзавцы с детьми собираются делать?

– А что с детей взять? Как обычно: кого на воспитание возьмут – янычаров себе растить станут. Из кого-то смешных уродцев сделают – себе на потеху да на продажу в какие-нибудь притоны. Кого на органы разберут, а кого продадут Алхимику – тот за такой материал хорошо платит.

Слушая все это, Книжник обмер. Он не понимал, правду ли говорит косматый, или это у него такие корявые шутки?

– Кто материал – дети?! Живые дети?

– Ты словно с луны свалился, малый. Дети, когда свои – тогда и дети. А чужие – это всего лишь пища и расходный материал. Да лишние рты, которые способны разорить и довести до голода любую группировку, как паразиты, объедающие ее изнутри.

– Ты это серьезно? У вас и вправду так принято считать?

– Это у Вольных так принято считать. Ведь мы про них говорим, верно?

– Это хорошо, что ты уточнил, а не то я уж подумал, что вы совсем здесь озверели.

– Хочешь сказать, у вас в Кремле иначе считают? Что чужие дети для вас – не внедренные агенты врага, лишь ждущие, чтобы вырасти, обрести силы – и ударить изнутри? Когда-то я читал про львов – были на Земле такие хищники. Приходя в чужой прайд, они первым делом убивали детенышей от других львов – в своей семье он готов был терпеть лишь собственное потомство. Согласись, это имеет смысл – для продвижения собственного генофонда.

Книжник открыл было рот, чтобы ответить категорично и резко. Но вдруг осознал, что его ответ не так очевиден. Кремлевские редко принимали к себе чужаков – просто потому, что чужаков практически не было. Кремль – словно подводная лодка, всплывшая в центре разрушенной Москвы после двухсот лет забвения, автономная и самодостаточная. И только недавно Кремлевские пошли на небывалый для себя шаг – приняли под свое покровительство целый народ. Точнее, то, что от него осталось, – женщин и детей вестов, из числа которых происходил и Зигфрид. И хотя Зиг проявил себя лучшим союзником Кремля, другом, боевым товарищем и практически кровным братом Книжника, он все же изначально был врагом, сыном и внуком врага. Так уж повелось, что весты по самому факту своего происхождения изначально стали антагонистами кремлевских, и никакими заверениями дружбы былой вражды не перечеркнуть. И теперь, в надежном Форте по соседству с кремлевскими стенами, подрастает новое поколение вестов. Они, вроде бы, должны испытывать благодарность к спасителям. Но всегда ли благодарность настолько свойственна человеку? Говорят, были такие птицы – кукушки, что подкидывали свои яйца в чужие гнезда. И когда вылупившийся и выкормленный чужой матерью кукушонок вырастал – он с легкостью убивал «братьев и сестер», выталкивая их из гнезда. Не получится ли так с вестами – прирожденными воинами и бескомпромиссными гордецами? Не станет ли для них благодарность слишком тяжелой ношей? Не вонзят ли они меч в спины спасителям? Ведь Зигфрид, пусть даже самый благородный и верный слову воин, не может отвечать за всех детей своего племени.

Подумав об этом, Книжник все же подавил сомнение и сказал:

– В твоих словах есть доля истины. Но мы не сможем оставаться людьми, если станем делить детей на своих и чужих.

Косматый внимательно поглядел на него, сказал:

– Хорошо, если правду говоришь. Глядишь, когда-то и к нам начнет возвращаться то самое, человеческое. Хотя, по-правде, надежды на это давно уж не осталось. Потому как впереди пустота и никчемность. День прожили – и ладно. И мальчикам этим ты не поможешь – их судьба уже, считай, расписана...

Над головой оглушительно хлопнул расправленный парус, затрещали снасти, забегали по реям муты, натягивая канаты. «Железный Таран» неуклюже разворачивался.

– Любопытно... – припав к решетке и задрав голову, проговорил косматый. – Ложимся на обратный курс.

– Что же здесь любопытного?

– Кэп не любит менять выбранный курс. Сдается, его здорово рассердили.

– Плевал я на вашего Кэпа, чтоб ему пусто было.. – устало проговорил Книжник.

Он вдруг ощутил, как тело охватила тяжесть, навалилась вязким грузом, вдавив в дно клетки. Его мелко трясло от холода, пустой желудок сводило коликами, но уже не было сил пошевелиться. Да и желания такого не было – хотелось просто провалиться в небытие – надолго-надолго, чтобы проснуться совсем другим человеком, а лучше – вообще заново родиться, чтобы не было в этой новой жизни зла и боли.

Быстро темнело, в соседних клетках возились, устраиваясь поудобнее, сонные муты, и товарищ по несчастью исчез в глубине своей клетки. Только гориллоподобный мут мерно раскачивался в своей клетке, ударяя огромным черным кулаком в пол и повторяя: «Убью, убью, убью...» Да хихикал сумасшедшим смехом горбатый уродец.

Его разбудил грохот пушек. Еще не открыв глаза, семинарист решил, что бьют кремлевские пушки в сторону Москвы-реки. У кромки воды застрял боевой робот типа «Чинук» и обстреливал ближайшую башню стальными дисками из электромагнитной пушки. Угроза была не то чтобы велика, но следовало отогнать наглеца или прикончить, чтобы не раздражал и не отвлекал внимание. «Чинук» бил неточно и больше портил кирпичную кладку стен, чем приводил в бешенство коменданта. Похоже, биомеханический монстр просто спятил от времени и заразы, разъедавшей его все еще живой мозг. Нужно было просто добить его, чтобы прекратить агонию. Но гладкоствольная артиллерия стен хороша для борьбы с осаждающими войсками, да при стрельбе картечью. Попасть же с большого расстояния чугунным ядром в сравнительно небольшую цель непросто, и расход пороха немалый. Да и не так-то просто вывести из строя бронированную машину металлической болванкой – это все равно, что колотить ее по броне здоровенным молотом.

Бить было нужно из пищали с оптическим прицелом – строго окулярам оптической системы. Нужно было подсказать ратникам – и Книжник заставил себя сесть и открыть глаза.

В лицо шибануло отрезвляющей действительностью. Проморгавшись, Книжник осознал, что находится не в Кремле, а в грязной и тесной клетке на грязной палубе в далеком холодном море. За левым бортом сейчас была белесая пелена от порохового дыма, за которой проступал темный берег. Было уже светло, а значит, он, отключившись, проспал всю ночь. От холода трясло, страшно хотелось пить.

Снова неровной чередой раскатисто загрохотали пушки. Били, судя по всему, по берегу. Встав на колени, ощущая, как все тело ломит от неудобной позы, Книжник позвал:

– Эй, сосед! Как там тебя? Косматый!

Сосед не ответил. Книжник крикнул громче – ответа не было. Узник то ли спал, то ли не был настроен на общение. В любом случае, кричал парень напрасно. Потому как вместо соседа рядом с клеткой возник Балабол.

– Ты чего разоряешься? – с прежней дурашливой дружелюбностью поинтересовался бандит. – Совсем одурел от скуки? Так мы тебе быстро развлечение найдем. Кэп у нас по этой части мастак!

Книжник едва не ляпнул, что уже, мол, познакомился с художествами Кэпа. Но прикусил язык: не хватало только, чтобы этому гаду стало известно, как он свободно разгуливает по кораблю. Поэтому и просипел первое, что пришло в голову:

– Пить хочу. И есть.

– Экий ты нежный! Всего сутки в клетке – а уже и есть ему, и пить! С такими претензиями ты у нас долго не протянешь! Придется твоим друзьям твой труп отдавать, а это для бизнеса не слишком хорошо!

– Ну ты и сволочь... – бесцветно бросил Книжник. Ему действительно стало вдруг все равно, даже чувство голода притупилось. Только горло продолжало першить от сухости.

– Да ладно, тебе. На! – Балабол швырнул в клетку какой-то грязный кусок и придвинул ногой емкость с водой от соседней клетки. – Я ж не червяк какой, я Вольный, я ваше гостеприимство помню. Жри и пей от пуза!

Расхохотавшись своей шутке, он стал наблюдать, как Книжник с омерзением вглядывается в мятую ржавую миску с мутной водой. Жажда мучила страшно, а потому, преодолев отвращение, он зачерпнул сквозь решетку воды ладонью, влил в рот. Пахнуло немытым зверьем. Но жажда была сильнее брезгливости, и он смог зачерпнуть еще пару пригоршней, после чего обратил внимание на брошенный кусок еды. Именно еды – потому что застывшая черная масса не имела аналогов в его зрительных и вкусовых воспоминаниях. На вкус кусок напоминал сухой и пресный жмых, от которого снова захотелось пить.

Балабол поднял взгляд на решетку за спиной Книжника. Залихватски присвистнул, очевидно подзывая второго заключенного.

– Эй, Герцог! Хорош дрыхнуть! Невежливо так друга встречать!

– Морские гады – твои друзья, – глухо донеслось из-за решетки.

– Ну как знаешь, – ничуть не обидевшись, сказал Балабол. – Хотел тебе вечером гостинцев забросить – так теперь не дождешься!

– Гостинцы-то, небось, у посадских отбирать будешь?

– А у кого ж еще? – Балабол недобро усмехнулся. – Они провинились – им и расплачиваться! Ладно, нет времени с вами трепаться, на берег пора. А за вами пока этот мальчонка присмотрит. Вы уж его не обижайте, а?

За спиной Балабола возник устрашающий силуэт какого-то затянутого в кожу громилы. Деформированное лицо с небритой квадратной челюстью и единственным глазом навывкате никак не настраивало на душевное общение. За поясом «мальчонки» торчал топор с любовно отточенным лезвием, за собой же этот тип волочил железный шар на черной цепи.

Балабол, посмеиваясь, удалился. Громила же покрутил своим жутким глазом с кровавыми прожилками и направился к клетке с гориллоподобным. На этот раз мут не стал проявлять агрессивности, а враз сник, будто соизмерив собственные силы с надвигающимися. Наступив, как на ступеньку, на клетку с какими-то извивающимися то ли щупальцами, то ли змеями, охранник приподнялся – и уселся прямо поверх «гориллы». Если таким образом он хотел закрепить свое превосходство на вверенной ему территории, то это вполне удалось: гориллоподобный как-то сник, успокоился и принялся делать вид, будто ищет в своей шерсти паразитов.

– Альфа-самец определился без боя, – тихонько сообщил за спиной косматый. – Да ты не бойся, Бугай туг на ухо.

– Так значит, тебя Герцогом кличут? – скосившись на косматого, произнес Книжник. – Это как – прозвище или титул?

– Почетное звание, – проворчал косматый. – Оттого и не называю имени незнакомцам, что на дурацкие вопросы отвечать не люблю!

– Да ладно, – примирительно сказал Книжник. – Хорошее имя. Ну, хочешь, я тебя буду не Герцогом называть, а так, как сам придумал?

– Это как же?

– А Косматым!

– Тьфу ты! – узник озадаченно пожал плечами. – Нет уж, шут с тобой, лучше давай Герцогом.

– Договорились!

Корабль содрогнулся, что-то заскрежетало, металлически затрещало. Над палубой разнесся гул тяжелых подошв, следом послышался явственный всплеск.

– Шлюпки спускают на воду, – прислушавшись, прокомментировал новоявленный Герцог. – На расправу, небось, отправляются.

– Я не понимаю...

– А чего непонятного? Вчерашние беглецы – они, небось, из этой общины. А община за своих в ответе. Вот и огребут по полной. Залпом их уже припугнули, теперь идут урок закреплять.

– И что же, опять убивать всех станут?

– Ну почему сразу всех? Кэп, конечно, живодер знатный, но не в его духе лишать себя источника дохода. Покромсают у всех на глазах старосту, бабу его по кругу пустят – чтобы другим неповадно было, да и всех дел.

– Ты так спокойно говоришь об этом! – не выдержав, семинарист повысил голос. – Будто они и не люди вовсе!

– А если я буду психовать по каждому поводу, я сам в этой клетке спячу! – огрызнулся Герцог и друг изменился в лице. – Все, тихо, тихо...

Книжник не понял, что имеет в виду товарищ по несчастью, и бросил вслед еще что-то обидное. Но его оборвал свирепый рык сверху:

– А ну, что рты раззявили?! В клетках молчать положено!

И в подтверждение своих слов грохнул с размаху по клетке железным шаром на цепи. Книжник сжался, пытаясь прогнать звон из ушей. А Бугай и не думал успокаиваться. Что-то ему не понравилось в пленнике, он сверлил его взглядом единственного глаза, словно ища, к чему придраться.

И нашел. Потянул руку к щеколде, сдвинул ее в сторону, снова задвинул, соображая. И вдруг злобно запыхтел, раздувая ноздри, прорычал:

– Ты что это, самый умный, да?!

– О чем ты? – пробормотал Книжник.

– Замок куда дел, падашь?! – зарычал громила. – Это тебе что, проходной двор или клетка? Тебя посадили сюда, чтобы ты страдал, а не прохлаждался в свое удовольствие! И я тебя заставлю страдать!

Книжник лишь успел лихорадочно подумать, что, видать, этому парню не дают покоя садистские лавры Кэпа, как дверца клетки жалобно скрипнула, распахнувшись, и грубая рука клещами ухватила его за щиколотку, потащила наружу. Распластавшись на палубе, семинарист в ужасе наблюдал, как Бугай взвинчивает сам себя, колотя железным шаром по палубе в сантиметрах от лица парня. Одно неверное движение – и его голова превратится в кровавое месиво. От грохота в ушах стоял болезненный гул, и мут-горилла в своей клетке, возбудившись происходящим, возобновил свою дикую пляску, сопровождая ее свирепыми нечленораздельными звуками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.